

АННА МАЛЫШЕВА

Когда отступать некуда,
дерутся насмерть

ДЕТЕКТИВ

Издательство «Астрель»

Анна Малышева

**Когда отступать некуда,
дерутся насмерть**

«АСТ»

2004

Малышева А. В.

Когда отступать некуда, дерутся насмерть / А. В. Малышева —
«АСТ», 2004

Началось с малого – юная Настя подралась после дискотеки. Но с этой минуты она так и не узнает – убила или нет? Девушка считает, что не имеет больше права вести ту тихую, размеренную жизнь, какой жила прежде, и резко ее меняет, стараясь скрыться от прошлого. Дальше – больше. Коммерческая палатка, любовник-рэкетир, подозрительный магазин, который посещают местные «авторитеты»... А потом – «отдых» на юге Франции. Отдых среди крупных воротил бизнеса, связанного с торговлей оружием, который мог закончиться для нее смертью. Она не знает языка, не понимает, что вокруг творится, и хочет одного – вырваться из этой переделки. Но, кажется, шансов у нее мало.

© Малышева А. В., 2004

© АСТ, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Малышева

Когда отступать некуда, дерутся насмерть

Глава 1

До полудня оставалось несколько минут. В это время в магазине обычно было пусто. Продавщицы скучали за своими прилавками. Кто-то поправлял косметику, кто-то копался в витрине, перекладывая продукты. Две девушки из смежных отделов – мясного и молочного – тихонько переговаривались.

– Мне обещали, что через неделю уволят, – говорила одна из них, оглядываясь на дверь в служебное помещение.

– Кто тебе обещал?

– Сам директор...

– Развесила уши... Мне уже месяц обещают, и до сих пор тянут волынку... – пренебрежительно отрезала ее собеседница. – Блин, вот знала бы, что так будет, сидела бы дома.

Продавщица из мясного отдела ей не ответила. Она смотрела на улицу. Жалюзи на огромных витринных окнах в этот час были подняты. Поэтому она увидела, что возле магазина остановилась забрызганная грязью дорогая машина. Через минуту дверца машины отворилась, и в желтый подтаявший снег ступила нога в блестящем легком ботинке.

– Опять явился! – простонала девушка.

– Этот?! – всполошилась ее подруга из молочного отдела. – Вчера же был!

– А... У этих гадов совести нет... Ну, а если он опять у меня возьмет?! Ой, блин, я больше не могу... Так меня никогда отсюда не уволят!

А покупатель уже был в торговом зале. Высокий, откормленный, с невозмутимым наглым лицом. Это лицо, пожалуй, было даже красиво. Но ни одна из девушек не собиралась с ним кокетничать. На него даже глаз старались не поднимать. Продавщицы медленно, обреченно вернулись к кассам в своих отделах. Он остановился у кондитерского, стал указывать на конфеты, печенье, выбрал торт. Девушка обслуживала его чуть не со слезами на глазах. Набрав внушительный пакет, он снял его с прилавка и двинулся к соседнему отделу. Расплатиться за покупки он даже не подумал.

– Чтоб ты сдох... – прошептала продавщица из молочного, глядя на его приближение.

– Ты-то что переживаешь? Он у тебя только йогурты берет и молоко. А у меня через день – вырезку, карбонат, колбасы, сардельки, свинину кило по два... Сравнила!

– Тихо, Ванесса идет!

Девушка торопливо вернулась за свой прилавок. В торговый зал из служебного помещения выглянула женщина в красном брючном костюме. Увидев покупателя, она фальшиво заулыбалась и прошла в зал из-за прилавка. Поздоровалась с ним, мельком бросила взгляд на раздувшиеся пакеты в его руках. Ее длинное темное лицо ничуть не украшала эта застывшая фальшивая улыбка. Продавщицы смотрели на нее оловянными глазами. Ванессу – товароведа – ненавидели все.

Женщина кивнула покупателю, отошла к окну, закрыла жалюзи. Перешла к другому окну, к третьему. Теперь все окна были прикрыты. Потом попрощалась с покупателем и неторопливо удалилась. Тот провел в магазине еще несколько минут. Достал из кармана список покупок, стал его перечитывать, проверяя, все ли взял. Убедившись, что взял все, он подхватил пакеты и вышел. Его провожало полное молчание. Только когда за ним закрылась дверь, продавщицы стали переглядываться – так выразительно, что слова им были не нужны. Девушка из мясного отдела тоскливо сказала:

– Ну ладно, сегодня мне повезло. И все равно, я больше не выдержу.

У продавщицы из вино-водочного отдела тряслись руки. Она достала карандаш, клочок бумаги и принялась выводить цифры.

– И кому ты это покажешь? – обратилась к ней соседка.

– Директору. Девчонки, что же это такое? Сегодня он меня наказал на триста двадцать четыре рубля... Новыми...

Ей никто не успел ответить. На улице раздался грохот, мягко содрогнулся пол под ногами, и в одну из витрин с силой влепилось что-то тяжелое. На цементный пол из-под жалюзи сухо посыпалось разбитое стекло. Обрушилась пирамида из конфетных коробок на верхней полке в кондитерском отделе. Некоторые девушки присели за прилавки. Потом была минута тишины. В зал ворвалась женщина в красном костюме:

– Что за бардак?! – Голос у нее был резкий, напряженный. Такими голосами природа наделяет скандалистов.

– Мы не знаем, Ванесса Андрониковна...

Ванесса подбежала к окну, приподняла жалюзи. В лицо ей ударил сырой ледяной ветер – окно было разбито. Этот ветер принес в магазин запах гари. Ванесса стояла у окна, глядя на улицу, и к ней постепенно подтянулись все продавщицы. И там было на что посмотреть – машина, в которой приехал покупатель, горела... В пламени слабо билось что-то страшное, черное... Кто-то взвизгнул:

– Человек горит!

Ванесса дико обернулась:

– Что стоите, коровы? Вызовите милицию!

Никто не двинулся с места. Тогда она растолкала продавщиц и убежала к себе в кабинет. Девушки снова столпились у окна. Теперь в машине ничего не было видно, кроме огня и дыма.

– Он там, – сказал кто-то.

– Где же ему еще быть. Все, накрылся покупатель.

– Туда ему и дорога, – сказала девушка из вино-водочного.

Но никто ее не поддержал. На горящую машину налетел сильный порыв ветра, пламя на миг вжалось в салон, но тут же вспыхнуло с новой силой, повалил жирный вонючий дым.

– А мы не взорвемся? – спросила одна из девушек, отстраняясь от окна.

– Тут уже все взорвалось, – ответила ей другая. – Ой, мамочки, может, хоть теперь нас уволят?! Как думаете, девчонки?

Они думали, по крайней мере, что магазин в этот день работать не будет. Но Ванесса, вызвав милицию, велела всем вернуться за прилавки. Разрешила только одеться потеплее – температура в магазине и на улице быстро сравнялась. Это был адски длинный день. Покупателей было много. Кого-то привлек сюда взрыв, кто-то ничего о случившемся не знал, а просто пришел после работы за продуктами. Девушек то и дело спрашивали – что у них случилось? Сгоревшая машина по-прежнему стояла возле магазина, привлекая всеобщее внимание. Девушки в ответ только пожимали плечами. Они предпочитали не распространяться о том, что случилось.

– Привет, – сказал парень, остановившись у прилавка с фруктами и овощами. Блондинка в голубом халатике обернулась – как раз расставляла на полке чудовищно огромные, тяжелые ананасы.

– Привет, – ответила она, едва шевельнув замерзшими губами.

– Настя, что у вас такой холод дикий? – удивился парень. – Окно расшибли?

– Сам же видел.

– А тачка чья там стоит?

– Одного из этих, – пояснила Настя, бросая по сторонам косые взгляды. Но ни директора магазина, ни Ванессы в зале не было. Они принимали милицию в своем кабинете.

Парень больше не задавал вопросов. Он подмигнул ей, она снова оглянулась, нагнулась под прилавок и вынула оттуда довольно увесистый пакет с эмблемой магазина.

– На, – она поставила пакет на прилавок, парень быстро его снял. Еще несколько осторожных взглядов по сторонам... Но никто на них не взглянул – остальные девушки обслуживали покупателей, только у Настиного отдела пока было пусто.

– Когда придешь домой? – спросил парень.

– А я не знаю. Думала, нас отпустят... Фига. Ты Мартына из садика забрал?

– Сейчас заберу.

– Ты проследи, чтобы он взял с собой машину. Утащил ее в садик, еще украдут.

– Ладно, – парень поманил ее: – Ну, иди сюда.

Они поцеловались, перегнувшись через прилавок, и он ушел. Настя блаженно потянулась, потерла руки, подышала в ладони, взвесила подошедшему покупателю два килограмма бананов.

В шестом часу в зал вошла Ванесса, грустная, утомленная, и стала вызывать из зала одну девушку за другой. В ее кабинете сидел следователь. Девушки возвращались быстро. Покупателей было много, они не могли поговорить и только пожимали плечами, глядя друг на друга. Настю следователь тоже надолго не задержал. Ее спрашивали, что она видела, не заметила ли кого-нибудь возле машины, когда покупатель был в магазине. Настя отвечала, что ничего не заметила. Ее спросили, часто ли тут бывал этот человек, знакома ли она с ним, что о нем знает? Настя четко отвечала, что раньше этот покупатель тут бывал, она знает его в лицо. Но как его зовут, кто он, чем занимается – понятия не имеет. Когда машина взорвалась, она как раз укладывала в витрину только что поступившие плоды авокадо и в окна не смотрела. К тому же на всех окнах были опущены жалюзи.

Ее отпустили, она вернулась за прилавок. Теперь ей было не холодно – всю заливал жар. Этот следователь напомнил ей того, другого...

...Сейчас ей было двадцать три года. Далеко уже не девчонка. И когда следователь задавал ей вопросы, она отвечала спокойно, уверенно, глазом не моргнула. А тогда ей было семнадцать. Шесть лет назад. Никакого жизненного опыта, никакого самообладания. Как же ей тогда удалось не сорваться при даче показаний? Ведь она в те дни была в истерике, истерика была внутренняя, глубоко упрятанная. Достаточно было легкого толчка, чтобы Настя сказала не то, что нужно... Она проходила по делу свидетелем, хотя должна была попасть в другую категорию. Она должна была стать одной из обвиняемых, да еще в групповом деле. Хулиганство. Драка с применением холодного оружия.

Она пошла на дискотеку. Пошла одна, но на дискотеке должна была встретиться с подругой – Лерка танцевала в группе, выступавшей то на одной дискотеке, то на другой.

Исполнив свою программу – спортивный рок-н-ролл, брейк, ламбаду, – группа переодевалась и спускалась в зал. Кто-то спешил домой и сразу уходил. Кое-кто оставался потанцевать в зале. Лерка никогда не уходила после выступления. Она искала среди танцующих Настю, и они вместе танцевали до упаду, пока дискотека не кончалась. Обе были заядлые плясуньи, только Лера – профессионал, а Настя – любитель.

В тот раз все шло, как обычно. Вместе с Лерой после выступления остались еще две девчонки из группы. В зале оказались их знакомые парни. Образовался свой кружок, веселились, привлекая всеобщее внимание.

Вскоре Настя услышала голос Леры:

– Погляди направо.

Настя поглядела. У стены стояли какие-то жуткие девицы. Причесанные «под метелку», с грубыми дегенеративными лицами, уродливо раскрашенные, в мешковатых длинных юбках, по тогдашней моде...

– Ну и что? – спросила Настя.

– Они на нас смотрят уже полчаса. Видишь, какие рожи?

Настя видела. Одна похожа на крысу – острый наглый носик, крохотные, безобразно подведенные глазки, тупое выражение лица. Другая – сушья обезьяна. Третья – вроде бы ничего, но лицо испитое, бессмысленное, нарумяненное, как на панель. Девицы нагло их разглядывали – в упор, с неприкрытой угрозой.

– Что это они? – спросила Настя.

– Мы танцуем с их парнями. Мы тут чужие. Знаешь, лучше бы нам сейчас уйти...

И это говорила Лера! Лера, которая готова была танцевать хоть в преисподней, если играла музыка... Настя не слишком встревожилась:

– Но мы же не одни. С нами ребята.

– А что – тебя кто-то проводит до дома? Ты уже договорилась?

Нет, Настя ни с кем из парней не договорилась. И не собиралась этого делать. Они видела их в первый раз и возможно, в последний. Зачем ей эти туповатые парни с рабочей окраины Москвы? Тут ей действительно стало не по себе. Они с Лерой жили довольно далеко отсюда – только на метро надо ехать сорок минут, и кроме метро еще на троллейбусе до дома... До одиннадцати часов оставалось совсем немного. Дискотека скоро должна была кончиться. Зима. Мороз. На улице – темень, хоть глаз выколи. Незнакомый район. И эти девицы у стены...

– Уйдем, – решительно сказала Лера. – Давай, танцуй к выходу.

Никого не предупредив, они пошли через танцующую толпу. За ними потянулись девчонки из Леркиной танцевальной группы – они тоже заторопились домой. Но далеко им уйти не пришлось. Лерке и танцоркам надо было забрать свои костюмы – они раздевались в комнате за сценой. Пока искали ключ, пока ждали – девицы оказались тут как тут.

Все началось без предисловий.

– Дурацкий у тебя значок! – Короткие грубые пальцы с красными лакированными ногтями вцепились в джинсовую куртку Насти. На груди у нее действительно был значок с изображением Майкла Джексона.

– Сними! – Пальцы сильно рванули значок, но он держался крепко. Легонько треснула потертая джинсовая ткань. Девица с крысиным личиком грязно выматерилась ей в лицо.

У Насти вдруг задрожали губы. Это было очень заметно, и «Крыса», как она окрестила девицу, решила, что Настя перепугалась.

– Девчонки, – вмешалась рассудительная Лерка. – В чем проблемы?

Вместо объяснений полился поток мата. Ругалась «Крыса». «Обезьяна» молча прижала к стене одну из танцорок. Та побледнела. Третья девица неожиданно толкнула Леру в грудь:

– Ты где живешь?

Лерка промолчала. Губы у Насти все тряслись. А «Крыса» продолжала откручивать значок, издевательски глядя ей в глаза. И вдруг Настю окатила горячая волна. Это пришла ярость, и губы дрожать перестали. Она схватила девицу за тощую шею и сдавила что было сил. Та хрипло вскрикнула...

В конце коридора послышался шум. Это закончилась дискотека. Настя разжала пальцы. «Крыса» хрипло материлась, часто сплевывала на пол, Лера схватила Настю за руку и потащила ее к выходу. Танцорки бросились за ними. Их могла спасти общая суматоха. Они могли незаметно убежать из этого Дворца культуры, поймать машину, добраться до метро... Доехать до дома у них бы денег не хватило. Они могли бы поискать знакомых парней...

Но ничего этого у них не вышло. Едва они оделись в гардеробе, вышли на улицу, повернули за угол – как сразу поняли – драка неизбежна. К ним подошла «Крыса». Она сжимала в зубах горящую сигарету, молча смотрела на Настю. Та поняла – их ждут, им не уйти. Оглянулась... И увидела, что противниц стало больше. Теперь у стены стояло человек десять. Лерку уже схватили за локти и держали сзади. Танцорок, видимо, прижали к стене. «Сейчас нас будут убивать...» – подумала Настя. Она могла убежать, у нее было более выгодное положение –

рядом одна «Крыса». Но как же Лерка? Прежде чем Настя позовет кого-нибудь на помощь, от Леркиного точеного личика ничего не останется... Если не убьют, то навсегда изуродуют. У этих девок наверняка есть кастеты или даже ножи...

... – Девушка, вы будете работать?! – донесся до нее возмущенный голос.

Она встрепенулась, как во сне обслужила одного покупателя, другого. Машинально взглянула на большие электронные часы над дверью магазина. Через полчаса магазин заканчивал работу.

– Вам? – спрашивала она очередного покупателя. – Вам? Полкило? Больше возьмете? Шестьсот... Пять двести... Ваши триста рублей... Спасибо... Вам?

...Там, возле Дворца культуры, было совершенно темно. Фонари разбиты. Дорога, где проезжали машины, далеко. Ночь темная-темная. Мороз градусов двадцать пять... Но ей было не холодно. Настя дралась второй раз в жизни. Первый раз был давно, года четыре назад, в пионерлагере. Схлестнулись так же, непонятно почему, с девчонками из другого отряда. Тогда Насте разбили нос, тем дело и кончилось. Но эти... Эти девицы дрались по-другому. За волосы не хватали. Ногтями не царапались. Они били ногами, кулаками, они знали все больные, уязвимые места, не спасала даже зимняя одежда... Настя давно уже не видела Лерку. Она исчезла где-то в сутолоке. Но за Лерку и двух танцорок она особенно не переживала – девчонки тренированные, накачанные, сильные... Но зато – абсолютно неагрессивные. А в такой драке главное – не сила, а агрессия.

«Крысе» удалось сбить Настю с ног. Подняться она уже не смогла – потянула «Крысу» за собой на скользкий снег, чтобы та не избила ее сапогами. «Крыса» тоже упала, они вцепились друг в друга. И тут Настя увидела нож.

И отпустила руки... Ей стало так страшно, что все силы разом пропали. Она больше не сопротивлялась. Но та не успела ударить – кто-то наступил на «Крысу», та перевернулась, исчезла между чьими-то ногами. Нож остался на снегу, рядом с Настей. Она схватила его, чтобы «Крысе» он не достался, вскочила, побежала прочь...

Сзади рванули за куртку, Настя поняла, что ее опять тянут в драку. Отмахнулась локтем – бесполезно, развернулась, увидела «Крысу»... И в отчаянии, что никак не может избавиться от этой противной морды, ударила...

В метро она попала перед самым закрытием. Вбежала в вестибюль, вскочила на эскалатор, и только когда снизу, со станции, на нее повеяло теплом, Настя поняла, что случилось. Но поверить в это было трудно. Она ударила «Крысу» ножом. Та ее сразу выпустила, и Настя сбежала. А нож? Ножа у нее теперь при себе не было. Потеряла? Выбросила? А где? Настя добралась до дома в третьем часу ночи. Пришлось идти пешком.

Мать не дала ей спать до утра – допытывалась, что случилось, отец тоже не спал и заявил, что теперь с дискотеками покончено! Лучше бы Настя училась нормально, чем шлаться на танцы! Ведь здоровая девица! Настя слова не могла сказать. Она сидела на кухне, отогреваясь горячим чаем, и внутри у нее все дрожало от отчаяния. «Неужели я убила? Неужели убила? – повторяла она про себя. – Что же будет? Меня в тюрьму посадят?!»

Потом до нее дошло, что родители решили, будто Настю изнасиловали после дискотеки – потому она так странно и выглядит. Настя поклялась, что ничего с ней не случилось. Совсем ничего. Просто задержалась... Утром, когда родители ушли на работу, Настя позвонила Лерке. Вместо подруги с ней поговорила Леркина мать. Оказалось, что драка закончилась приездом милиции. Кто вызвал – неизвестно. Леру сразу забрали в больницу – сотрясение мозга, несколько глубоких ссадин. Двух других танцорок тоже сильно избили. А из местной шпаны, которая их избивала, половина успела разбежаться, но кого-то схватили и запихали в машину. Одну из девиц тяжело ранили...

Женщина рассказывала взахлеб, было ясно, что она еще не успела осмыслить этот ужас. Только через некоторое время до нее дошло, что Настя тоже была в той компании.

– А ты? – с какой-то ненавистью спросила она. – Ты как?

– Синяки... – пробормотала Настя.

Она чувствовала себя предательницей. Но, слава богу, не убийцей!

– Сумасшедшие вы, – сказала женщина. – Вас же теперь в милицию потащат!

– Драку начали не мы.

– Ага, так вам и поверят. Учти, что про тебя уже в милиции знают, девчонки сказали, что ты тоже была. Сбежала?

– Сбежала, – призналась Настя.

– Когда?

– В самом начале...

– Бросила подругу?

Настя промолчала. В тот день она не пошла в институт. Училась на первом курсе в педагогическом. Про синяки она не соврала – они были. Но родители, слава богу, их не видели – по лицу Настю не били, повезло. Из головы не выходила «Крыса». Значит, она в больнице, значит, жива. Состояние тяжелое... Неужели это она, Настя, так ее угостила? И что ей за это будет? Что сказать в милиции?

На следующий день она давала показания. Ее родители ничего про это не узнали, Настя им не сказала. Говорила она скупое, лишних подробностей избегала. Да, пошла на дискотеку. Эти девицы пристали к ним, когда дискотека уже кончалась. Что им было нужно? Просто хотели подраться... Может, были пьяные или обкурились анаши. Вели себя агрессивно, сразу начали толкаться, вызывать на драку. Убежать от них не удалось.

Про значок и «Крысу» Настя промолчала. Нечего следователю знать, что между «Крысой» и Настей есть что-то общее. Настя вообще старалась молчать, чтобы не ляпнуть лишнее. Рассказала только, что ей удалось убежать, что она хотела вызвать милицию, но не могла найти телефона-автомата... Звучало все это неубедительно. Настя сгорала от стыда. Если она скажет правду – ее посадят. А если будет твердить свое вранье – решат, что она предательница, трусиха – убежала, бросила подруг, и даже милицию вызвала не она. Наконец ее отпустили.

Настя ждала самого худшего. В какой-то книжке она когда-то прочитала, что давать ложные показания – это тоже преступление. Значит, она вдвойне преступница. Она думала, что когда допросят Лерку с подружками, те обязательно расскажут про значок, про конфликт Насти и раненой «Крысы». А кто еще мог ранить «Крысу»? Свои, что ли? С кем «Крыса» дралась? От начала и до конца – с Настей. Практически они бились один на один. И видели это многие. Ведь тех девиц тоже будут допрашивать. А зачем они будут покрывать Настю? И сама «Крыса» молчать не будет.

Но случилось непонятное. Настю больше не вызывали. Оставили в покое. Лерка вышла из больницы, теперь отлеживалась дома. Настя приехала к ней с коробкой конфет. Шла, как на казнь. Лерка похудела, осунулась, то и дело пускала слезу. Девчонки сидели у нее в комнате, грызли конфеты, но разговор никак не мог коснуться самой волнующей темы... Наконец Настя не вытерпела:

– Тебя допрашивали?

Лера кивнула:

– Да. Ты знаешь, там одну девку убили?

– Убили?! Ранили!

– Ну, может, и ранили. Только она умерла.

Настя чуть не подавилась шоколадом, таявшим во рту:

– Я первый раз слышу!

– Да, умерла, – подтвердила Лера. – И теперь выясняют, кто убил. И с ума сойти, у Ксеньки нашли нож... А ту противную девку зарезали. Ты понимаешь, что будет?

Настя ничего не понимала. Ксенька – это одна из танцорок, но при чем тут нож, при чем тут «Крыса»?! Она промолчала, предоставив возбужденной Лере рассказывать дальше:

– Нож у нее нашли, когда на травмпункт привезли, ей вывихнули руку. Стали с нее куртку снимать, вывалился нож. В крови. Ну, ты представляешь себе?! Она таскала с собой нож!

«Я с ума сошла? – спросила себя Настя. – Или это мой нож? Но как он попал к ней?!» Следователь ничего ей про нож не рассказал. Даже разговора об этом не было. Значит, ее так просто отпустили только потому, что обвиняемая уже была. Ксенька? Действительно носила нож? В это трудно было поверить. Но Лера, кажется, верила. Во всяком случае, ей хотелось верить. Ведь иначе ее саму допрашивали бы куда пристрастней. Следствию нужен был обвиняемый. Труп у них уже был, значит, без обвиняемого не обойтись. Настю мучило теперь не столько странное сообщение Леры, сколько вопрос – успела ли проговориться «Крыса»? В каком состоянии она попала в больницу? Успела ли сказать, кто ее пырнул ножом? Наступил даже миг, когда Насте показалось, что она никогда не была «Крысу» ножом. Может быть, она в нее вообще не попала? Может, нож прошелся вдоль одежды? Может, «Крысу» вообще ранил кто-то другой? Ну, пусть даже Ксенька!.. Она в глубине души прекрасно понимала, что это подлый самообман, что Ксенька каким-то образом подняла со снега оброненный нож, что машинально присвоила его или скорей всего даже не разглядела в темноте, что это такое, сунула в карман. Забыла в суматохе... Мало ли что могло случиться?

– Где Ксенька? – спросила Настя.

– Дома.

– Ее не арестовали?

– Зачем? Всегда успеют.

Действительно, успели. Настя была на суде. Слышала, как зачитывают ее свидетельские показания. Лерка сидела на другой скамье, вся подавшись вперед, и ревела в три ручья. С ней были родители. Родители пришли и с Настей. Ксенька говорила, что она не помнит момент удара. Но вот нож она помнила. Да, она подняла нож. А что с ним сделала потом – не знает. Ее били по голове, она больше ничего не помнит.

В конце судебного заседания, когда в зале нечем стало дышать, с Леркой случилась истерика. Настя едва удержалась, чтобы не присоединиться к ней. Девчонки все же досидели до конца. В коридоре они бросились друг к другу:

– Осудили!

Это выкрикнула Лерка. А Настя едва шевельнула губами:

– Но за что, за что...

Лерка плакала, обняв подругу. Другая танцорка ушла с родителями. Настя была будто каменная. Совершенно бесчувственная. Если бы ей кто-то в этот миг сказал: «Пойди туда и во всем признайся!» – она бы пошла и призналась – да, это сделала она... Но никто не подошел, ничего не сказал...

Настя бросила педагогический институт на втором курсе. Просто не смогла себя заставить пойти осенью на занятия. С этим было покончено. С дискотеками – тоже. А Лерка продолжала танцевать. Настя прекратила всякое общение с ней. Ей было невыносимо ее видеть. Невыносимо, потому что она за себя не отвечала в тот год. Она в любой миг могла бы расколоться, сознаться, взять все на себя. Лерка обязательно заговорила бы о Ксеньке. Та была в ИТК. Срок – пять лет. И если бы речь зашла об этом сроке, Настя бы сказала: «Это мой срок!» И получила бы его... Лучше было держаться от Лерки подальше.

Настя устроилась продавщицей в коммерческий ларек неподалеку от дома. Точнее, ее пристроили туда родители. Мать была категорически против этого занятия – небезопасно. Но отец поручился, что в этом ларьке Насте ничто угрожать не будет. Ларек содержит его старый знакомый, он присмотрит, чтобы Настю не обидели. И Настю не обижали. Работала она днем.

Пришла ледяная московская осень, дни стояли черные, порченные. В тесном киоске оставалось место только для Насти и электронагревателя. Нагреватель жарит по ногам, в окошечко врывается холодный ветер. Настя считает деньги, просовывает в окошко бутылки, банки, сигареты, жвачку. Два раза в день у нее забирают выручку. Хозяин выплачивает ей зарплату в конце месяца. Она быстро обучилась всему, что составляло нехитрую науку продавца. Торговать своим товаром. Забыть поставить ценник на товар, чтобы назвать цену повыше. Разница – в свою пользу. Обсчитывать. Продавать тухлинку. И тому подобное. Голос у нее огрубел от вечной простуды. Зеленые прозрачные глаза стали жесткими. Жесткими стали и перекрашенные волосы. Ее естественный цвет был темно-русый. Настя стала ослепительной блондинкой. Она начала понемногу курить. В морозные зимние дни согревалась водкой. Наверное, все это ее не украшало. Но зато она за всей этой однообразной крикливой жизнью начинала понемногу забывать о Ксюшке. Ей уже казалось, что все случилось не с ней. И «Крысы» никогда не было на свете.

Мать ужасалась переменам, которые происходили с ее милой, балованной дочкой, которой с детства разрешалось все, вплоть до полуночных возвращений домой. Отец пожимал плечами – такое время, в чем обвинять ребенка? А ребенок потихоньку прикидывал, как бы обзавестись своим домом. Как не зависеть от родителей? Выход скоро пришел.

Витя – так назывался выход. Витя – симпатичный, хотя и простоватый парень, приблизительно ее роста, ее возраста, ее уровня. Витя был одним из тех, кому киоск платил дань. То есть – из местной мафии. Владелец ларька предупредил Настю – она новенькая, и поэтому к ней будет приходить за данью кто ни попадя. Давать надо только нескольким. С кем есть договоренность. Тогда и с киоском будет все в порядке. Витя был одним из этих нескольких. Обычно он брал водку, сок, сигареты «ЛМ». Появлялся пару раз в неделю. Особенно ее не разорял. Настя не испытывала к нему никакой вражды. Надо платить дань – значит надо. Не она это придумала, в конце концов. Прибыль у нее и так была неплохая.

Витя сперва приглядывался. Потом стал заговаривать с ней о том о сем. Наконец пригласил в кафе. Настя поморщилась – лучше бы в ресторан. Но конечно, не сказала этого. Еще решит, что она себе цену набивает. В кафе они не пошли, он не стал настаивать. И похоже, после отказа Витя ее зауважал. Накануне восьмого марта сунул ей в окошечко букет роз. Настя холодно приняла подношение – она ведь знала, что за эти цветы он не платил, они ему достались в результате такого же рэкета. Вечером, сдав выручку хозяину, смену – ночному продавцу, Настя вышла на воздух, с наслаждением потянулась, разминая затекшее в тесноте тело... И увидела его.

– Не возражаешь, если я тебя провожу? – спросил он.

– Да нет... – протянула она.

Вместе пошли к ее дому. Он не приставал, держался предупредительно. Между разговором поддерживал ее под локоть, помогая перепрыгивать через лужи. Ей это понравилось. Все-таки – мужчина, защитник. Мужского внимания у себя в ларьке она получала сколько угодно, но все это было едва прикрытое хамство. Этот хотя бы не приставал. От него в этот день пахло дорогим одеколоном. Чистая рубашка, свежая стрижка, выбритые до синевы щеки. Прямо пиздон! Он проводил ее до подъезда, успев по дороге рассказать, что район у них хулиганский, и Насте не стоит возвращаться одной так поздно. Он хочет ее провожать. А если она против, тогда пусть говорит всем – если обидите меня, будете иметь дело с Витьком. Она хмыкнула по себе. Он не произвел на нее впечатления. Витя был все-таки слишком молод, чтобы внушить страх хулиганам. Она сомневалась, что этот парень может иметь какой-то весомый авторитет. Но все же поблагодарила его:

– Если пристанут, так и скажу.

Машины у него не было. Своей квартиры – тоже. С родителями он не жил с тех самых пор, как пришел из армии.

– Не могу с ними договориться, – объяснял он ей, провожая в очередной раз. – Вроде бы у нас нормальные отношения, но ты понимаешь, как только начнем разговор – сразу скандал.

– Еще бы, я тебя понимаю, – кивала она.

У Насти в последнее время тоже пропала всякая охота откровенничать с родителями. К чему говорить правду по мелочам, если самой главной правды она все равно сказать не сможет?

– Думаю, надо снимать квартиру, – рассудительно говорил Витя.

– Дорого, – так же рассудительно отвечала Настя. – А смысл какой? Если захотят, тебя и там достанут.

– Кто? – Витя как будто испугался.

– Да родители.

Он явно ожидал другого ответа. Пренебрежительно отмахнулся:

– Да ты не преувеличивай, они у меня ничего. Просто мы разные, нам не ужиться. Слушай, а если я сниму квартиру, ты мне не поможешь?

– А чем?

– Ну, обставить там, всякие такие дела... – сказал он, притягивая ее к себе. Они шли под руку.

«Это он мне так предлагает жить вместе, – поняла Настя. – Ничего себе, приемчики. Почему не сказать прямо: «Настя, я тебя люблю?» Ну или просто: «Живи со мной!» Это у него такая деликатность?»

Конечно, она ничего ему тогда не обещала. Даже намек не сделала, но когда Витя и в самом деле снял однокомнатную квартиру и пригласил ее на новоселье, она не отказалась прийти. Мать дала ей в подарок чайный сервиз – чашки, блюдца, чайник, сахарницу. Этот сервиз, очень давно купленный по случаю, в доме был лишний, а без подарка на новоселье не являются, как объяснила мать. Она беспокоилась, что дочь пошла в гости к парню, но надеялась на то, что Витя будет держаться в рамках приличия. Все же он провожает Настю уже несколько месяцев, и до сих пор ничего не случилось.

Случилось именно в тот вечер. На новоселье. Кроме Насти, был приглашен еще Витин старший брат с девушкой, какие-то парни, с которыми Насте было не о чем разговаривать, какие-то вульгарные девицы. Она поймала себя на том, что все они напоминают ей ту компанию, которая дралась после дискотеки. Ни малейшей симпатии Витины приятели у нее не вызвали.

– Ну что, тебе не нравится? – спросил Витя. Он все-таки что-то уловил.

– Не нравится, – откровенно созналась она. – Друзья твои мне не нравятся. Знаешь, я лучше пойду. Посидела и хватит.

– Вот, блин... – расстроился он. – Ну, давай лучше сделаем так. Ты посиди на кухне пять минут, я всех выставлю. Идет? Тогда выпьем шампанского, за новоселье.

– Да ну, – Настя пожала плечами. – Будешь из-за меня ссориться?

– А никто не обидится.

И прежде чем она возразила, он увел ее в кухню, а сам помчался к своим друзьям и подругам. Настя прислушивалась, прикрыв дверь. Уходили не слишком охотно – не успели просидеть и двух часов. Но ее удивило, что никто действительно не обиделся. Она различала обрывки фраз, из которых поняла – до всех дошло, что Витя хочет остаться с девушкой наедине. Потому так просто все и решилось, потому парни и утаскивали отсюда своих пьяных подруг.

Она сидела, примостившись у заставленного грязной посудой подоконника, и думала, что, если она останется – придется ему уступить. Придется... А разве это будет такая жертва? Такая уж уступка? Витя ей нравился, и ничего страшного в том, чтобы остаться с ним, она не видела. На глазах у всех? Все будут знать? Ну и что? Для кого ей хранить свое доброе имя, свою репутацию?

В квартире стало тихо. Витя открыл дверь на кухню:

– Все ушли.

– Я поняла, – ответила Настя.

– Давай выпьем?

Она приняла у него стакан с шампанским. Выпила. Сладкая ледяная шипучка защекотала горло. Шампанское тоже было взято в каком-то коммерческом ларьке. Может, даже в ее собственном. Удовольствия оно ей не доставило. Витя поставил свой стакан и принялся тискать Настины плечи, уткнулся ей в шею, целовал, шептал на ухо всякую жаркую чепуху. Она жмурилась, будто кошка. Он повел ее в комнату. Ловко постелил чистую простыню на диване. Она стояла у дверного косяка и покорно наблюдала за этим. Ей было страшновато – все-таки ее ждала небольшая операция. Именно как об операции, ей рассказывала об этом Лерка. Лерка решила этот вопрос в пятнадцать лет. В летнем лагере, куда ее отправили на два месяца. В конце второго месяца Лерка и сорвалась. От невыносимой скуки, от однообразия. От избытка здоровья, бог знает от чего. Настя несколько раз заставляла Лерку рассказывать, как все было, и удивлялась – оказывается, все очень просто. Из-за чего столько шума об этом в книгах? Подумаешь, страсти какие... Нечего бояться. И сейчас ей тоже было не страшно.

Именно из-за ее бесстрашия, даже равнодушия, Витя и решил, что у Насти есть кое-какой опыт. А потом, уже в полной темноте, удивлялся, тихо что-то бормотал, когда отправился в ванную, вздыхал, курил на кухне. Настя лежала на спине, глядя в неразличимый темный потолок. По потолку проползла световая полоса. Это по двору проехала машина. Потом полоса исчезла. Витя вернулся. Она едва видела его, зато слышала его тяжелое дыхание.

– Ты останешься? – спросил он.

– Останусь, – ответила она. – Только мне рано вставать на работу.

– Нет, я не про это. Ты вообще-то останешься? Слушай, Насть, все будет хорошо.

Она поняла, что он делает предложение. Опять довольно своеобразно. О чувствах ни слова. Но это было предложение.

– Я останусь, – повторила она, вкладывая в голос всю доступную ей женскую многозначительность. – Я согласна.

Они стали жить вместе. Родителям Настя сказала, что они собираются пожениться. Представила Витю. Устроили семейное чаепитие. Витя вел себя раскованно, много шутил, рассказывал анекдоты. Насте казалось, что все идет неплохо, но когда Витя вышел в туалет, мать схватила Настю за руку и прошептала:

– Ты с ума сошла?!

– Почему?!

– Это же уголовник!

Настя изумилась – ничего уголовного она в этом парне не заметила.

– У него на лице написан срок! – шептала мать, гневно расширяя глаза. – Ты видела его паспорт?!

Паспорт Настя видела. Как-то, когда Витя принимал душ, она порылась в его карманах, наткнулась на паспорт и постранично его просмотрела. Никакой отметки об отсидке там не значилось. О браке – тоже. И детей за Витей не числилось. Паспорт был девственно чист. О чем она и сообщила маме. Мать не успокоилась:

– Ни о чем это не говорит, мало ли теперь поддельных паспортов. Где вы познакомились?

– Мам, я сто раз тебе говорила – в киоске.

– Он забирал у тебя товар?

Настя подтвердила.

– Но он же явно в мафии!

Вмешался отец, который до поры до времени хранил молчание. Он веско сказал:

– Мать права. Вам не следует спешить с росписью. В ЗАГС сходите потом, когда лучше друг друга узнаете. Не торопись. Потом пожалеешь.

Настя с Витей настолько хорошо друг друга узнали, что у них через год родился мальчик. Мартын. Настя так его назвала в честь бабушки со стороны матери. Но и это не смягчило мать:

– Ребенка он тебе сделал, поздравляю! А еще он что для тебя сделал? Чем вы вообще занимаетесь? Разве это семья? Разве на этом строится настоящая семья?

Настя отмалчивалась. С работы ей тогда пришлось уйти. Мартын требовал много внимания, а кроме нее самой, мальчик никому был не нужен. Витя стал раздражительным – Мартын родился очень беспокойным, все ночи напролет орал, мешал отцу спать. Витя говорил, что он рад ребенку, но о том, чтобы пойти в ЗАГС, больше речи не шло. Настя обвиняла в этом только своих родителей – затянули дело, отговорили ее, когда Витя был на все готов. А теперь он привык, и ничего ему уже от нее не нужно. Только чтобы обед был готов, белье чистое, пол помыт, а ребенок молчал... Все это Витя получал и без ЗАГСа.

Но в общем, все было не так уж скверно. Через год она устроила Мартына в ясли, пошла на работу. Теперь она продавала хлеб с лотка. Витя по-прежнему собирал дань с окрестных торговцев. В доме всегда была еда, выпивка. Настя покупала сыну вещички в секонд-хенде. По воскресеньям возила Мартына к бабушке и дедушке в гости. Были темные пятна и в этой налаженной жизни, но если не слишком приглядываться – все совсем неплохо...

Все было совсем неплохо, если только не считать магазина. Магазины, где она работала уже полгода, после того, как ушла с лотка. Ее соблазнил евроремонт в торговом зале, красивая спецодежда, довольно высокая для продавца зарплата. Ей нравились фрукты, которыми она торговала – душистые, красивые, прямо игрушечки. Весь товар отборный. Думала ли она, что захочет отсюда уволиться и не сможет? Не сможет уйти из магазина, на дверях которого постоянно висело объявление: «Требуются продавцы»... Все было хорошо, если не считать того, что сегодня утром прогремел взрыв. Все неплохо, если забыть о следователе... И о другом следователе тоже...

... – Ты что – уснула? – окликнула ее подруга из вино-водочного.

Настя изумленно взглянула на часы. Магазин закрылся.

– Ох, боже мой, – она сунула окоченевшие пальцы под мышки, чтобы отогреть их. – Уснешь тут... Вечным сном.

В зал вошла Ванесса. Девушка из мясного отдела нерешительно спросила:

– Ванесса Андрониковна, а завтра?

– Что завтра? – откликнулась та.

– Завтра нам выходить на работу?

– А ты что думала? Отдыхать? Стекла сейчас вставят. Ничего с вами не случится, можно подумать какие мимозы...

Ванесса поправила накинутую на плечи шубу и заперла дверь. Девушки одна за другой исчезали в складском помещении. Настя скинула там свой голубой халатик, наскоро причесалась, собрала сумку.

– А я надеялась, что нас теперь уволят, – тоскливо сказала одна из продавщиц.

– Как же, надейся! – отрезала Настя. – Уволят, на тот свет!

Глава 2

И Витя, и Мартын давно были дома. Настя вернулась на взводе. Тому виной были нахлынувшие воспоминания, и, конечно, разговор со следователем. На этот раз ее ни в чем не подозревали, не обвиняли, и все же она чувствовала себя неуверенно. И что самое худшее – даже не могла ничего объяснить Вите – о той давней драке после дискотеки не знал даже он. Настя швырнула дубленку на вешалку, яростно грохнула об пол ботинки, прикрикнула на Мартына, по-щенячьи бросившегося ей под ноги:

– Да шел бы ты!

Тот не унимался – дергал ее за юбку, назойливо приставал:

– Играть будешь?! Будешь?! Папа сказал – будешь!

– Вот пусть папа и играет!

– Хватит галдеть! – Из кухни высунулся Витя. – Не успела прийти домой, уже разоралась!

– А ты вообще молчи!

– Тебе надо бросать эту работу! – Витя хлопнул кухонной дверью, и она услышала оттуда приглушенное: – Стала настоящей стервой!

«А ведь и правда, – подумала вдруг она. – Куда это я качусь? Стерва и есть».

Она переоделась, молча прошла на кухню, поставила на плиту вчерашний суп. Мартын продолжал вертеться под ногами и очень ей мешал. Но Настя сдерживалась, хотя руки у нее тряслись от внутреннего напряжения. Кроме того, в магазине за день она страшно замерзла, и только теперь, в теплой кухне, начала понемногу отогреваться. Тихонько болела голова, чувствовала она себя странно. «Неужели простудилась? – подумала она, разливая суп по тарелкам. – А что? Это идея. Уйти на больничный и вообще перестать туда ходить... А потом уволят... Может быть».

Вся недружная семья уселась за стол. Сперва ели молча, только Мартын немного оживлял обстановку – хлопал ложкой по поверхности жирного супа, так что брызги летели. Витя хмуро выхватил у него ложку. Мартын заныл:

– Есть хочу!

– Успокойшься – отдам.

– Я уже...

Получив орудие труда обратно, он притих. Настя вздохнула:

– Может, его психиатру показать? Никаких нервов не хватает...

– И сама покажись, – отреагировал Витя.

– Ага, сейчас, – кивнула она. – У меня нервы в порядке. Во всяком случае, были.

– Ну и чем у вас дело кончилось? – Витя решил, что будет разумней перевести разговор на другую тему. – Никого не уволили?

– И не уволят. Таких дур, как мы, еще поискать нужно.

– А что искать? У вас же висит это объявление. Неужели никто по нему не приходит?

– Приходят, целыми косяками. В этом районе ни у кого работы нет, особенно у девчонок. Только их пока не берут на работу. Сперва надо вытянуть все с нашей смены, а потом уже брать на эти места новых дурачков... – пояснила Настя уже спокойней. – А когда они, сволочи, решат, что с нас хватит? Хоть бы сказали: «Тебе, Настя, осталось работать две недели». Я бы немного успокоилась.

– Сходи к директору, – посоветовал он. – Объясни ты ему прямо – так и так, уже второй месяц работаю на вас даром... Имейте совесть.

– Нет у него совести. И про мои два месяца он прекрасно знает. Я-то еще что! У нас Ирка работает четыре месяца без зарплаты. Он же видит, что она его боится. И тянет из нее жилы.

– Сколько на тебе недостачи?

– Два миллиона с копейками, – мрачно и не сразу ответила она.

– Как два?! Было же шестьсот тысяч?!

– Ага, было. Две недели назад. А в субботу он меня вызвал и заявил, что у меня в отделе недостача – два лимона. Ты представляешь? Крыса такая. – Нечаянно назвав так директора, Настя на мгновение запнулась. – Я ему говорю: «Все, что у меня ваши друзья берут, я запи-сываю. Там нет на два миллиона. Могу показать вам записи». Он мне говорит: «Покажи». Я, как умная, принесла, ткнула его носом в бумажку. А он отвечает: «Ну вот что, не будь дуроч-кой, порви эту писульку и больше так не делай». Ну, я и заткнулась. А что я могла сказать против? Он ведь плевать хотел на то, сколько у нас товара берут его дружки. Недостачу делит на всех. Самым тихим девчонкам он приписывает побольше. Тем, кто может огрызнуться, как я – немножко поменьше. Если бы я только за себя расплачивалась... Чтобы покрыть такую недостачу, мне нужно полтора месяца бесплатно отработать. А за эти полтора месяца опять что-нибудь натикает... Получается, что я там застряла навсегда.

– Вот гад, – сочувственно сказал Витя. – Ну, подожди, я кого-нибудь найду... С ним поговорят.

– Ты мне это уже сколько обещаешь... Нет, никого ты не найдешь. У них масштаб не тот. Меня с грязью смешивают, надувают, я у них вроде рабыни... А ты ни черта не сделал в мою защиту. Знаешь, честно говоря, я думала, что ты посмелее.

Витя вздернул брови:

– Ладно, хватит демагогию разводить! Тут дело не в смелости. Если бы надо было ему рожу начистить, я бы это сделал. Но он не из нашей группировки. Я вообще понять не могу, кто такой твой директор. Однако дружки у него солидные, это верно. Ну, побью я его вечером после работы. Ну, предположим, это подействует. Он тебя уволит. А дальше что? Хочешь найти мой труп в подъезде?

Она отмахнулась:

– А если хочу?

– Тогда возникает вопрос – зачем мне ради тебя рисковать?

Они молча доели суп. Настя сунула Мартыну яблоко и выпроводила его из-за стола. Вскоре в комнате раздался шум, что-то покатилося, ударилося о стену. Витя поморщился, но ничего не сказал.

– Знаешь, – Настя встала и собрала со стола посуду. – Я, кажется, видела, кто его подо-рвал.

– Это как? – забеспокоился Витя.

– А вот так. Я же всех их наперечет знаю. Всех, кто у нас даром отоваривается. И их самих, и их машины. Понимаешь, сегодня, когда я его через витрину увидела, сразу удрала. В общем-то мне все равно – даже если этот гад у меня ничего не возьмет, мне чужие долги при-пишут. Но я просто видеть их уже не могу. Пошла в подсобку, будто бы покурить. Стояла там в предбанничке, где продукты грузят. Дверь на улицу была открыта. Только зажгла сигарету – вижу, к нам подъезжает еще одна их машина. Правда, кто там за рулем был, не видела – стекла затонированы намертво. Один блеск. Но машину-то я знаю, даже номера помню.

Витя слушал молча, с таким отсутствующим выражением лица, что ей захотелось обо-рвать рассказ. Было такое впечатление, что ему ее рассказ ничуть не интересен. Она сдерж-алась и продолжала:

– Потом я вернулась в зал. А там никого уже нет. Ни первого, ни второго, который только что приехал. Я, помню, еще удивилась, что второй так быстро отоварился. Я этого борова знаю, он обжора... Только встала за прилавок – за окнами ка-ак грохнет! Я тогда ничего не сообра-зила, вместе со всеми пригнулась. И только потом до меня потихоньку стало доходить. Пока первый был у нас, его тачку заминировали. А где же был второй? В магазине не заходил – я там поспрашивала девчонок. Все говорят – никого перед взрывом больше не было.

– И ты решила, что это он сделал?

– А кто, если не он?

Витя усмехнулся:

– Дурочка, совсем необязательно, чтобы это сделал он. Во-первых, зачем ему так светиться? Ведь его и правда мог кто-то заметить, опознать. Наняли бы шестерку или кого-то со стороны. Во-вторых, машину могли подпортить и раньше. Может, ее не минировали. Может, бензобак пробили? Вот и рвануло.

– Ну, а в-третьих у тебя нет? – рассердилась она.

– Есть и в-третьих. Он мог просто ехать мимо.

Этот довод ее просто убил. В самом деле, никому не запрещено проезжать мимо их магазина, даже если это местные авторитеты. Вечер завершился у телевизора, потом долго укладывали спать Мартына. Он никак не желал лежать головой на подушке. Куда интереснее было колотить ее ногами, гоняя по всей постели. Давно уже был погашен свет, и Настя почти уснула. Как вдруг ее выбросил из сна тихий голос:

– Ты только не вздумай рассказывать об этом ментам. Слышишь?

Она повернулась:

– Ты-то чего боишься?

Витя ответил, что он боится только за нее. Что у Насти язык без костей, а сама она – без тормозов. Ляпнет, что не надо, а потом он, Витя, будет ее хоронить. Проезжал мимо тот мужик из мафии или нет – никого не касается.

– Я ведь не сошла с ума, – еле слышно отозвалась Настя. – Я буду молчать.

* * *

А на другой день началась катастрофа. Именно началась, а не случилась. Потому что разворачивалась неторопливо, постепенно. К магазину с утра подъезжали знакомые машины. Одна за другой. Один за другим в магазине появлялись «покупатели». Они не просто брали – они опустошали. Наконец продавщица из вино-водочного не вытерпела и расплакалась прямо за прилавком. Она плакала, а «покупатель» смотрел на ее искаженное лицо с едва заметной ухмылкой. Девушка убежала в подсобку, рванула дверь кабинета Ванессы:

– Я больше у вас не работаю! Увольняйте меня немедленно!

– Тише, дорогая, – Ванесса вдруг встала, чего раньше никогда перед продавщицами не делала. – Сядь, успокойся. Давай, выпей валерьянки.

– Сегодня меня просто ограбили! Полтора ящика водки! Коньяк, вплоть до «Хеннесси»! Джина две бутылки! Это за два часа! Черт знает что! Ванесса Андрониковна, это же беспредел!

– Не ори, – почти ласково посоветовала та. – Сама подумай – им надо сделать поминки?

– А я при чем?

– Я тебе даю слово, что уволишься через неделю.

– Нет! Сейчас!

Ванесса пожала плечами, теперь она тоже начала ухмыляться. Доброжелательный тон исчез.

– Паспорт, трудовую и санкнижку я тебе не отдам. Никто тебя еще не увольняет.

– Я без паспорта уйду! Лучше штраф в ментовке заплачу, чем бесплатно работать! Подавите вы моим паспортом!

– Дура, что ли? – удивилась Ванесса. – Я твой паспорт порву и выброшу. Мне он не нужен.

– А вы вообще не имели никакого права у меня паспорт отбирать!

– Ты согласилась на это, когда тебя сюда приняли, – напомнила Ванесса.

Ответить было нечего. Действительно, когда в этот магазин принимали новую продавщицу, все ее документы, вплоть до паспорта, брались в залог. Девушка их больше в глаза не

видела. Не помогало ничто – ни просьбы, ни угрозы. Девушки вали напропалую, чтобы выручить свои документы. Одна говорила, что ей нужно выходить замуж, паспорт необходим для ЗАГСа. Другая прописывалась к мужу. Третья собиралась лечь на операцию. Ванесса стояла насмерть – паспорт вернется к владелице только после увольнения. А как насчет увольнения? Ради бога. Только сперва продавщица должна покрыть недостачу. Тогда и паспорт получит.

Из этого замкнутого круга вырывались только двумя путями. Первый путь – действительно уйти, бросив документы. Сделать новые. И получить порцию угроз уже от самого директора магазина. Тот обещал таким беглянкам найти их и передуть. Ведь получалось, что они грабили магазин! Второй путь был долгим и нудным. Работать, умолять, чтобы уволили, просить зафиксировать недостачу на определенной цифре... В конце концов, все же увольняли. И девушка пулей вылетала из магазина – с синяком на душе. На всю жизнь. Был еще и третий путь, которым пока никто не мог воспользоваться. Принести директору наличные деньги для покрытия недостачи. То есть предоставить ему буквально ограбить себя. Но для этого ни у кого не было свободных денег. Да и рука не поднялась бы отдать.

– Во всяком случае, вы меня больше не увидите! – крикнула продавщица, срывая с себя голубой халатик. – Нате, подавитесь! Сами за прилавков идите!

– Уймись, сука! – крикнула Ванесса. – Ты что творишь? Тебе же ноги выдернут!

– Я в милицию пойду!

– Слушай, – та подошла к девушке почти вплотную. – Судя по паспорту, у тебя есть дети. Двое, кажется. Ты что – уже ничего не боишься?

Девушку трясло. Она прижалась к стене, прикрыла глаза, чтобы не видеть этого грубого темного лица, когда-то давно испорченного оспой.

– Иди в зал, работай, – завершила разговор Ванесса. – Тебя скоро уволят.

В торговом зале была тихая паника. Обычные покупатели, которых в этот день тоже было немало, не могли понять, что случилось с продавщицами. Какие-то странные лица, потерянные глаза, трясущиеся руки. Настя в этот день тоже не блистала. Ее отдел, как всегда, пострадал средне. Но ей от этого было не легче.

Около двенадцати, как обычно, наступило небольшое затишье. Но вскоре стало ясно, что оно обманчиво. Жалюзи были подняты, стекла вставили... И через эти новые стекла девушки увидели очередную знакомую иномарку, остановившуюся прямо напротив входа.

– Прорвы! – негромко произнесла Настя. – Чтоб вы лопнули на своих поминках!

Но «покупатель», вошедший в зал, неожиданно не стал задерживаться у прилавков. Он только мельком оглядел продавщиц и прошел между двумя прилавками в служебное помещение. Он направлялся к Ванессе.

Та как раз пудрилась, встав лицом к окну. Услышав, как открылась дверь, крикнула, не оборачиваясь:

– Стучать надо!

– Ох, извини, – с иронией ответили ей.

Узнав голос, она защелкнула пудреницу и повернулась:

– Простите, ради бога, я думала, это опять мои девицы.

– Что – хулиганят? – Посетитель без приглашения сел. Он вел себя в этом кабинете, как у себя дома. Собственно говоря, он и был дома. Если бы не он – этот магазин не разрешили бы открыть. И в то же время, если бы не он – прибыль у магазина была бы во много раз больше. Ванесса знала и то, и другое. Поэтому она осторожно улыбалась.

– Дурью маются, – сказала она.

Посетитель в ответ промолчал. Он сидел, мотал ногой, так, что стул скрипел, глядел куда-то в пустоту. Ванесса ждала. Она бы не посмела его торопить. Она прекрасно понимала, что без дела он сюда не явится. Наконец тот вздохнул:

– Вот что, Ванесса, дорогая, у меня к тебе просьба...

– Что угодно, – с готовностью ответила женщина.

– Да не бойся, я много не попрошу. Кстати, вчерашнее... – Он поморщился. – Что там милиция?

Ванесса немного растянула губы. Получилось что-то похожее на улыбку:

– Вам лучше знать.

И снова молчание, снова раскачивается нога в лаковом огромном ботинке. Ноги у него были несоразмерно большие для его роста.

– Короче, – вдруг сказал он, перестав качать ногой. – Найди мне одну девушку. Из твоих продавщиц.

Ванесса удивленно наклонилась к нему:

– Я что-то не понимаю... Зачем? Какую?

– Ванесса, давай обойдемся без «зачем и почему», – отрезал он. – Я тебе все излагаю четко. Вчера, где-то в полдень, одна твоя красавица курила в подсобке. Вот ее мне и найди. Это все.

– В полдень, в полдень... – пробормотала она. – Вы меня простите, но я же их не контролирую по минутам. В полдень... Курят они почти все. Как она выглядит, эта девица?

– Откуда мне знать? Но она у тебя работает. На ней был голубой халат.

– А что она натворила?

– Да ничего. Просто выясни, кто это. И поосторожней, не надо по мегафону объявлять. Поговори с ними, с каждой по отдельности. Не слишком напирай. А то ты такая – нажмешь и сломаешь.

– Я... – Ванесса вдруг осеклась. Взглянула на пудреницу, которую все еще держала в руке, торопливо сунула ее в сумочку. Порылась, вытащила носовой платок, откашлялась. – Я, конечно, поговорю.

– Вчера эта смена работала? – спросил тот.

– Да.

– Значит, быстро найдешь. Я позвоню тебе вечером. Все, спасибо заранее.

Он встал и вышел. Ванесса некоторое время постояла посреди кабинета, кусая уголок платка, потом пожала плечами и вышла в зал.

– Наталья, – обратилась она к девушке из кондитерского отдела. – Зайди на минуту.

Наталья действительно исчезла ненадолго. Вернувшись, она сказала соседке:

– Теперь ты.

– А что там случилось? – встревожились те, кто слышал разговор.

– Да ничего. У Ванессы маразм наступил. Курить, говорит, здоровью вредить.

– Курить запрещают?! Скоро вообще дышать не разрешат!

Только Настя, находившаяся неподалеку, не приняла участия в разговоре. Она все услышала и сразу все поняла. «Покупатель», который появился тут последним, был тот самый... Владелец машины, которую она видела из двери подсобки. Он ничего в этот раз не взял, чего никогда не бывало. И вот теперь...

– Настя! – окликнули ее. – Иди теперь ты.

Она закрыла кассу и пошла.

– Садись, – сказала Ванесса, когда девушка прикрыла за собой дверь кабинета. – Можешь курить.

– Не хочется, – ответила Настя.

– Редко куришь? Или совсем не куришь?

Девушка промолчала. Ванесса рылась в ящиках стола, просматривала накладные, делая вид, что Настю она не замечает.

– Ты ведь работала вчера? – наконец очнулась хозяйка кабинета.

– Конечно, – кивнула Настя. И прибавила: – К сожалению.

– Хочешь уволиться?

– Еще бы.

– Я тебя уволю. Уволю, если будешь постоянно бегать в подсобку курить, – внезапно повысила голос Ванесса. – А бегаешь ты постоянно. Вчера, например, в полдень!

Настя откинулась на спинку стула и постаралась сделать лицо каменным. Насколько хорошо у нее получилось, она не знала. Зато поняла, что Ванесса довольно грубо подстраивает ей провокацию. Разумеется, у Насти не было иных желаний, чем уволиться отсюда. И вот Ванесса угрожает ей увольнением в обмен на признание – да, курила...

– Так что ты скажешь?

– Ничего, – Настя едва шевельнула губами.

– Что – ничего? – прикрикнула та. – Открой глаза! Отвечай нормально!

– Не орите на меня, – с ненавистью произнесла девушка. – Как хочу, так отвечаю. И вообще, у меня грипп. Я вчера заболела. В вашей холодной сараюге.

– Ты вчера курила?

– Откуда я знаю?

– А другие? Другие курили?

Настя покачала головой:

– Отвяжитесь, Ванесса Андрониковна. Хотите уволить – сделайте это по-человечески. Давно уже вас об этом прошу. А при чем тут курение – вообще не понимаю. Вы что хотите – выговор вклеить? Запись в трудовой книжке сделать? Я вам уже сколько раз заявления об уходе писала. Вы его рвали. И вообще, хватит за мои же деньги на меня орать.

Ванесса отпустила ее коротким взмахом руки. Настя заняла свое место за прилавком, огляделась. Очередная продавщица покинула зал. Пошла на допрос. Никто из девушек не понимает, не может понять смысла этого дознания. И поэтому никто не будет ее покрывать, когда Ванесса потребует рассказать, кто курил около полудня... Об этом могли знать многие. Случайно обратили внимание, случайно запомнили время. И наверняка время запомнили точно – ведь это было прямо перед взрывом. Ванесса будет добиваться своего упорно и тупо, как муравей. И добьется того, что в голове у какой-нибудь девушки вдруг прояснится... Тогда ей конец...

«Надо бежать, – подумала Настя. – Милый Боженька, сделай так, чтобы я могла сбежать! А может, правда, бросить паспорт, уйти? Или пойти в милицию, все рассказать?» Но от этой мысли ей даже смешно не стало. Милиция – это было последнее учреждение, куда бы она пошла... Уж лучше в морг.

Через полчаса все продавщицы до единой побывали у Ванессы на допросе. Все были в недоумении, переглядывались, покручивали пальцем у виска. Настя ждала. Если что-то выяснилось, ждать ей осталось недолго. Но до конца дня ничего не случилось.

Витя, когда она рассказала ему о допросе, отреагировал странно – слишком спокойно:

– Ну, ничего же не обнаружили?

– Откуда мне знать! Ты пойми – я на волоске... Твои друзья ничего не смогут для меня сделать?

– Мои друзья тут ни при чем, Насть... – Он включил телевизор, улегся на диван. На нее он уже не смотрел. Настя выкупала Мартына, завернула его в огромное махровое полотенце. На миг ей показалось, что опасности действительно нет. Ведь Витя так спокоен. И все же перед сном она шепнула, уткнувшись ему в шею:

– Завтра проводи меня в магазин... И встреть после работы. Ладно?

– Зачем? – сонно протянул он. – Это же совсем рядом.

– Нет, я тебя прошу. – Она приподнялась на локте, пытаясь разглядеть его лицо. – Мне будет спокойней... Помнишь, как раньше ты меня встречал у киоска?

– Ну, помню, помню... – Он подтянул к подбородку одеяло. – Спи ты, бога ради.

Утром ей снова не было страшно. Она молниеносно одевала Мартына, быстро красилась, торопила осовевшего с недосыпу Витю – он не привык так рано подниматься. Из дома вышли втроем, отвели Мартына в садик, потом Витя проводил ее до самых дверей магазина. Поцеловал ее и побрел домой досыпать. И в магазине тоже все было, как обычно.

Но перед самым обедом в зал вышла Ванесса:

– Настя? Зайди ко мне.

И все. Сердце упало у нее куда-то в живот, колени ослабли. Вызвали именно ее... Но может быть, дело совсем не в этом...

На столе у Ванессы Настя увидела такое, что ей пришлось ухватиться за спинку стула. Свой паспорт в разодранной целлофановой обложке, трудовую и санитарную книжки... Ванесса подвинула все это к девушке:

– Тебе везет. На твое место давно просится одна девушка. Очень милая, вежливая, не то что ты. Так что поздравляю. Пиши заявление.

– Что? Какое?

– Об уходе. Я, имя, фамилия, отчество, прошу уволить... Ну, что – учить тебя? Запись в книжке я тебе уже сделала. По собственному желанию.

Ванесса говорила сухо, отрывисто, было ясно, что она мечтает скорее спровадить Настю. Та не прикоснулась к своим документам:

– А как же моя недостача? Два миллиона?

– На тебе больше нет недостачи. Я же сказала – тебе крупно повезло.

– Почему вы меня увольняете?

Ванесса хмыкнула:

– Потому что ты меня попросила.

– Я не желаю уходить.

– Что-то новенькое слышу. Ладно, не ломай комедию. Пиши заявление.

– Я не буду писать! Поняли вы?! Не буду я это подписывать!

И тут Настя сорвалась. Она говорила то, чего простить себя не могла уже спустя минуту. Но в этот миг она перестала себя контролировать:

– Думаете, я не поняла, что вы тогда специально жалюзи опустили? Думаете, до меня не дошло, что вы в завязке с этим типом? А теперь что – отдаете ему меня? А я вот сейчас, прямо из вашего кабинета позвоню в ментовку и сдам вас всех! Они счастливы будут! Что вы прикопались к моей сигарете, что – сдурели?! Ничего я подписывать не буду! Пока я у вас работаю – меня не тронут! А то на вашем магазине будет уже два трупа!

– Ты что болтаешь?! – Ванесса вскочила, сгребла со стола Настины документы и швырнула их ей в лицо: – Убирайся, тварь! В милицию решила идти?! Так иди! Сука! Подумала бы сперва о своем щенке!

И тут Настя осеклась. Разумеется, когда она кричала, мысли о Мартыне ей в голову не приходили. У нее в тот миг не осталось вообще никаких мыслей. Но теперь ей стало по-настоящему страшно. До сих пор оставалась какая-то надежда на благополучный исход дела. Можно было обманывать себя, не признаваясь, что ситуация сложилась слишком серьезная... Но теперь, когда и она сама, и Ванесса назвали все вещи своими именами, заговорили в открытую...

Настя наклонилась, собрала с пола документы и положила их в карман халата:

– Мне сейчас уходить?

– Ты свободна, я уже сказала.

Больше Ванесса на нее ни разу не взглянула. Настя вышла из кабинета и отправилась переодеваться. В торговом зале она появилась уже без халата, в верхней одежде. Продавщицы сперва даже не узнали ее. И только через минуту кто-то ахнул:

– Ты куда намылилась?!

– Уволили, – Настя помахала всем рукой. – Так что теперь я сюда приду только как покупатель.

– Счастливая... – протянул кто-то.

– А твоя нехватка? – испугалась Наталья.

– Откуда мне знать. Может, на вас распишут, может, новенькой придется платить.

– Ты честно скажи – сунула Ванессе взятку? – поинтересовалась Наталья с нескрываемой завистью. – Сколько?

– Еще и взятки на этой работенке давать! – усмехнулась Настя. – В морду я бы ей сунула. Ладно, девчонки, пока!

И она быстро вышла, чтобы не разреветься на глазах у всех. На крыльце она обернулась и сорвала объявление, приклеенное к стеклу.

– Требуются продавцы! – пробормотала она, раздирая бумажку в клочья. – Дуры требуются, курицы безмозглые! А таких полно! И я дура! Получила по лбу, теперь радуйся!

Она огляделась по сторонам. Обгоревшая машина уже исчезла, и теперь ничто не напоминало о катастрофе, которая случилась здесь совсем недавно. Тихая улица, застроенная панельными домами, черные мартовские деревья, несколько кошек возле магазина. Мирный пейзаж, который, казалось, не таил в себе никакой угрозы. Но она ощущала эту угрозу, она была в ней уверена. «Когда же они меня прихлопнут? – подумала она, спускаясь с крыльца и начиная перепрыгивать через лужи. – Сейчас? Сегодня? Вряд ли... Подождут немножко, чтобы мою смерть никто не связал с магазином. Но долго им ждать тоже нельзя – я ведь пообещала Ванессе все разболтать... Дура, дура набитая, и умру я душой. Никогда мне теперь не придется поумнеть, просто не успею. Надо было делать вид, что я вообще ту машину проморгала и ничего не поняла! А я взяла, да на саму Ванессу наехала... А ведь она точно, не зря жалюзи тогда опустила. Чего ради она это сделала? Чтобы девчонки за прилавками не увидели, как машину минируют. И чтобы сам владелец машины ничего не увидел. И почему никто милиции про жалюзи не сказал? А может, сказали? Но кто тронет Ванессу, кто вообще трогает этих бандитов... Милиции нет до них дела, они любят сажать такую мелочь, как я... Как Ксенька. А может, это возмездие? – вдруг подумалось ей. – Ведь должна же была я когда-нибудь расплатиться за Ксеньку... Но почему теперь, когда прошло столько лет, когда у меня есть сын?!»

До детского садика она дошла без приключений. За ней как будто никто не следил, знакомых машин поблизости не было. Она вызвала Мартына, одела его и увела. Настя приняла решение – прежде всего спрятать ребенка. Где? Ей не пришло в голову ничего лучше, чем отвезти его к родителям.

Мать была дома – она уже два года, как потеряла работу. И хотя до пенсии ей было еще далеко, она уже не пыталась никуда устроиться. Настин отец зарабатывал достаточно, чтобы содержать жену, а Настя сама себя содержала.

– Заболел? – встревожилась мать, увидев внука в такое неурочное время.

– Нет, он в порядке. Мам, возьми его себе, – торопливо сказала Настя, раздевая Мартына, который, как всегда, устраивал представление – пытался заехать ей ботинком в лицо.

– Что значит – возьми? – еще больше встревожилась мать. Общими усилиями ребенка раздели, и он рванул в комнату, чтобы попрыгать на своем любимом кресле. Настя махнула рукой:

– Долго рассказывать. Я уволилась, надо искать работу... Короче, мне сейчас будет не до него.

– А когда тебе было до него? – мать явно не обрадовалась тому, что ей преподнесли Мартына. – Ты же его вообще не воспитывала. Смотри, какой он у тебя забалованный! Вообще не слушается, никаких авторитетов! Грубиян, грязнуля, а шум от него такой, что с ума сойдешь... Забросила его окончательно, а когда с ним стало невыносимо, подкинула мне?

– Мам, – Настя заглянула в комнату и показала Мартыну кулак. Тот перестал скакать на скрипящем кресле.

– Понимаешь, я за него просто боюсь.

– Понимаю... – мать заговорила тише. – Витя? Я всегда знала, что этим кончится. Он мне никогда не нравился. Вляпался, да?

– Вроде того, – Настя поцеловала мать. – Я привезу тебе вечером Мартыновы шмотки и игрушки.

– Ладно, что с вами делать. Не надо было тебе рожать, вот что.

Настя не стала отвечать, сдержалась. И опять ей удалось не разреветься. Уже на лестнице она вдруг спросила себя – с какой стати она молчит про то, что случилось? Не сказала ни девчонкам в магазине, ни даже матери... Зачем скрывать, если ей осталось жить от силы пару дней? Ведь когда она погибнет, никто даже не узнает причины... «А может, лучше, чтобы не узнали? – подумалось ей. – Тогда никто больше не пострадает... Слишком много знать – тоже плохо... А уж мама ни при чем. Скажу только Вите. Вдруг ничего страшного? Вдруг он что-то придумает?»

До дома она опять добралась беспрепятственно. Она постоянно оглядывалась, стараясь контролировать обстановку, но у нее создалось впечатление, что всем на нее наплевать. Никто за ней не шел, не ехал, не следил.

Она поднялась в квартиру, которую они с Витей снимали с того самого новоселья. Она давно уже привыкла считать эту квартиру своим домом, ведь в ней прошло пять лет ее жизни. Но теперь, когда она вошла сюда, еще с порога ей в лицо дохнуло чем-то чужим, казенным. Настя обошла квартиру, остановилась посреди комнаты, горько усмехнулась. Как она раньше не замечала этой хозяйской мебели, этой разрозненной посуды, этой облупившейся штукатурки на потолке? Это место никогда не было ее домом. Как и Витя не был ее мужем. Ей всегда казалось, что они встретились только вчера и могут расстаться уже завтра. Настоящим был только Мартын. Но он был теперь далеко.

Настя набила вещами и игрушками все сумки, которые нашлись в доме. Она не торопилась – все равно надо было дожждаться возвращения Вити, чтобы он помог ей перевезти вещи. Потом ей подумалось, что Витя, наверное, явится за ней в магазин, как они и договаривались. Ведь он не знает, что она уволена. Впереди у нее был целый вечер, чтобы его дожждаться. Но ожидание было невыносимым.

Зазвонил телефон. Это была мать:

– Настена, ты напрочь забыла об одном деликатном моменте.

– А что такое? – встревожилась дочь.

– Кто будет содержать Мартына? Мы с отцом? Ты же знаешь, нам только-только хватает. Витя, по крайней мере, мог бы помогать материально, если от воспитания он устранился. Ведь это его ребенок!

– Я привезу денег, – пообещала Настя. – Ты права. Как Мартын?

– Сломал кресло, – сухо сообщила мать.

– Да что ты? Хотя... Оно было такое старое...

– По-моему, мы с отцом тоже уже не молодые, – тем же тоном заметила мать. – Ладно, посмотрим, как у тебя пойдут дела. Ты рассташься с Витей или как? Это я хотя бы могу знать?

Настя засмеялась:

– Ох, мамочка, если бы ты знала, до чего мне это не важно.

– Доигралась! Значит, расстаетесь?

– Мама, мама... – Настя вздохнула и пообещала: – Если мы расстанемся, я тебе сразу скажу.

Повесив трубку, она принялась искать заначку. Она сама давно ничего не зарабатывала, но Витя всегда следил за тем, чтобы в доме были наличные деньги. Она прошла на кухню,

сняла с полки банку с сухим горохом и порылась в ней. Там ничего не оказалось. Она принялась припоминать, не менялся ли тайник. Не вспомнив ничего, перевернула сантиметр за сантиметром всю кухню, а потом комнату, ванную, прихожую. Деньги как сквозь землю провалились. Она еще раз осмотрела шкаф с одеждой и только тут ей бросилось в глаза, что там почти не осталось вещей. Только ее собственные, а их было не так уж много. Вещи Мартына были уже упакованы... Но где же Витина одежда? Она заглянула под шкаф. Его вторых ботинок там не оказалось. В ванной не было его бритвы, кисточки для бритья, исчезла его мочалка, даже зубная щетка. Настя, как потерянная, кружила по квартире, и ей становилось все яснее – здесь от него не осталось ничего, ни одной мелочи... Она присела на край постели, ее трясло.

«Значит, ушел? Бросил нас? – спрашивала она себя, обводя комнату пустым взглядом. – Ни слова, ни звука. Даже записки не оставил. Может, что-то случилось? Может, он не по своей воле?..» Она открыла записную книжку и позвонила брату Вити. Они почти не виделись, не поддерживали отношений – она даже не знала, чем он занимается. Ей ответила женщина, наверное, сожительница Саши.

– Извините, я жена Вити, – представилась Настя. – Его у вас нет?

– Нет, а что случилось?

– Пропал. С вещами.

Женщина вдруг засмеялась:

– Тогда это называется не пропал, а ушел. Нет, к нам он не приходил.

Настя бросила трубку. Было ясно, что оттуда помощь не придет. Телефона Витиных родителей у нее не было. Внезапно она поняла, что даже если бы она располагала всеми адресами и телефонами, Витя бы не нашелся. Он исчез потому, что хотел исчезнуть, и возвращать его бесполезно.

«Даже денег не оставил, – она беспомощно оглядывала комнату. – Наверное, решил, что деньги мне уже ни к чему. Ведь все равно помирать. Да, это серьезно, это даже чересчур серьезно, раз он сбежал вот так... Он испугался, значит, и я правильно делаю, что боюсь. Неужели это и в самом деле конец?! Вот так – так рано, в двадцать три года?!» Ей вспомнилась Ксенька. «А ей было всего семнадцать, когда ее засадили из-за меня. О ней-то я не думала, что ей слишком рано идти в тюрьму. Ну, вот и получай...»

Ей было ясно, что оставаться в этой квартире ни минуты нельзя. Ее адрес никому из магазинного начальства был неизвестен – ведь они снимали квартиру, не прописываясь в ней. Но это утешением служить не могло. «Они наверняка уже знают этот адрес, – подумала она. – Я его не скрывала... Если узнали, что это именно я курила в подсобке, адрес тоже могли узнать у девчонок. Или выследить меня. Много ума не надо». В паспорте, который хранился у Ванессы, значилась прописка ее родителей. К родителям тоже идти нельзя. Она подумала, правильно ли сделала, что отправила туда Мартына?

«А куда мне еще его девать? А самой мне куда деваться?» Она втиснула в переполненные сумки несколько своих личных вещей. Оставлять их тут она не хотела. А затем позвонила на работу отцу... Он приехал к ней и помог перевезти вещи...

...– Почему же ты не могла остаться на той квартире? – спрашивала ее мать уже поздним вечером, когда Мартын наконец улегся спать. Они с матерью сидели на кухне, плотно прикрыв дверь. Отец тоже лег. Он почти не задавал Насте вопросов. У нее сложилось впечатление, что он все понял без слов. Во всяком случае, он смотрел на дочь с тревогой и как будто не решался ее спросить о чем-то... А для матери было ясно одно – семейная жизнь у Насти не сложилась, отсюда и все беды.

– Мам, я там не могла оставаться ни одного дня, – устало отвечала Настя. Она не переоделась, даже тапочки надела через силу. Каждую минуту ей хотелось вскочить и уйти – хотя бы затем, чтобы не навлекать на этот дом опасности. И еще потому, что сама она здесь была совершенно незащищена.

- Квартира оплачена? – спросила мать.
- Да конца следующего месяца.
- Ну, и пожила бы там. Зачем швырять деньги на ветер. Жалко, что пересдать нельзя.
- Мам, я туда не вернусь.
- Куда он ушел? – переменила тему мать. – У него кто-то появился?
- Может быть.
- Записки, говоришь, не было?

Вместо ответа Настя закрыла глаза. Разговор шел по замкнутому кругу. Если она не скажет правды, они будут говорить бесконечно. А как трудно держать себя в руках, когда хочется закричать, позвать на помощь, схватиться за кого-нибудь... Знакомая история, которую она уже пережила в семнадцать лет. Тогда никто так и не узнал правды. «Мама даже не представляет, что я – убийца, – подумала Настя. – Зато она узнает, когда меня убьют. А что хуже?»

– И даже не позвонил. – Мать подняла трубку и послушала, работает ли телефон. – Это уму непостижимо. Вы не ссорились хотя бы?

- Не больше чем всегда.
- Не понимаю. Этот твой Витя – какое-то тупое животное. Он тебе совсем не подходил.

И денег не оставил – уж этого я не ожидала.

- Мама, – вдруг сказала Настя. – Ты будешь растриваться, если я умру?

Мать застыла с трубкой в руке:

- Ты с ума сошла?! Он этого не стоит!
- Мне нужны деньги, – продолжала Настя. – Не знаю сколько, но как можно больше.

Отец может мне одолжить?

- Зачем?
  - Мне нужно жить отдельно. Снять хотя бы комнату. Переехать в другой район Москвы.
- Мать кивнула:

– Понимаю, у тебя депрессия. Но как это не вовремя... Сейчас у нас туговато с деньгами. Я утром спрошу отца, он для тебя всегда на все готов... Но я тебя прошу об одном – не делай глупостей.

– Немножко поздно ты просишь, – Настя встала. – Я лягу с Мартыном. Так ты попроси отца, меня выручит любая сумма.

Утром отец безоговорочно выдал ей не слишком толстую пачку денег. Настя поняла, что это было все, что ему удалось отложить. Она не решилась пересчитать – слишком многое зависело от этой суммы.

- Спасибо, пап, я все верну.
- Ты очень изменилась, – вдруг сказал отец, наблюдая, как Настя укладывает деньги в сумочку. – Даже не знаю, что с тобой случилось.
- Я стала грубой, – помогла ему Настя.

– Не сказал бы. Ты как-то накрепко замкнулась. Я ведь все вижу. Мать ты почти обманула, но мне могла бы сказать правду. Дело не в твоём несчастном Вите. Ты давно его не любишь.

– Нет, пап, – Настя не поднимала глаза, продолжая машинально открывать и закрывать сумочку, щелкая замком. – Я его никогда и не любила.

- Так что же случилось?

Настя пожала плечами. Она поняла, что отец обиделся, но не могла заставить себя открыть рот, сказать ему все.

- Как хочешь, – наконец нарушил он молчание. – Главное, не делай глупостей.
- Это просто слова, пап, – Настя повесила сумку на плечо. – Глупости делаются сами собой. Я пойду искать себе жилье. Ночевать я уже не вернусь.
- Дождись хотя бы матери, она же сейчас твоих любимых плюшек принесет.

– Нет, пап, я пойду. И еще... – она на мгновение замялась. Но это было необходимо сказать. – Мартына сейчас лучше поддержать дома. Не надо ему ходить в садик. Скажи маме, когда она вернется... Если кто-то неожиданно позвонит в дверь – не открывайте. Сперва спросите, посмотрите в «глазок». Если что – вызывайте милицию.

– Настя!

Через минуту ее уже не было в квартире.

Глава 3

На площадке между первым и вторым этажом она пересчитала деньги. И медленно закрыла сумку... «Если перевести на доллары, здесь триста пятьдесят, не больше... Квартире мне не снять – агентства требуют комиссионные в размере месячной оплаты, а нижняя планка – двести пятьдесят – триста долларов в месяц за однокомнатную...» Вечером, в постели, она изучила свежую газету «Из рук в руки», купленную специально с целью поиска жилья. «Я могу снять комнату – месяца на два. В этом случае на еду мне уже не хватит. Если я сниму комнату на месяц – хватит на еду, но что решит месяц? За месяц мафия обо мне не забудет. Это будут выброшенные деньги».

Оставалось одно – попросить о помощи кого-нибудь еще. У родителей она уже просить не могла. Настя вышла из подъезда, быстро оценила обстановку. Во дворе стояло несколько машин, но только в одной был пассажир, и он никак не смахивал на мафиози – это был заморенный, чахлый, типично городской ребенок в возрасте Мартына. Настя махнула ему рукой, проходя мимо, но ребенок даже не взглянул на нее.

Неподалеку от родительского дома было местное отделение связи, а в его помещении находился московский таксофон. Туда она и направилась. Звонить с улицы ей не хотелось. Входя на почту, она уже точно знала, с кем поговорит в первую очередь. Нужен был человек, хорошо ей знакомый, и вместе с тем такой, с кем она давно не встречалась. Настя решила, что «давно» – это значит, до появления Вити. Потому что Вите она уже совсем не доверяла. Она выбрала Леру.

Как ни удивительно, та ее сразу узнала, еще по голосу, Настя даже не успела себя назвать. Лера воскликнула:

- Ну, ничего себе, ты пропадаешь!
- Да, я... – начала было Настя, но та ее перебила:
- Ты хотя бы в Москве?
- И даже неподалеку от тебя.
- Да? Ну тогда, может, зайдешь? Или давай лучше вечером, я скоро уйду...
- Настя вцепилась в нее как клещ:
- Если можно, сейчас! Вечером может быть поздно.

Лерка удивилась такой настойчивости после стольких лет разлуки, но согласилась. Только просила прийти быстрее, если Настя хочет успеть поболтать. Через двадцать минут подруги уже рассматривали друг друга, сидя на кухне Леркиной квартиры. Перед ними стояли чашки с кофе, криво порезанный рулет. Но Насте кусок в горле не шел. Она видела, что Лера совершенно готова к выходу из дома. Как сделать так, чтобы остаться тут?

– Слушай, а ведь с тобой что-то случилось, – вдруг сказала Лера, неожиданно наведя разговор на нужную тему.

- По мне заметно?
- Все бы ничего, только ты как-то зажалась. Или меня стесняешься?

Настя деланно рассмеялась:

- А что? Столько лет прошло... И вот я тебе на голову свалилась.
- Жаль, что времени нет, – Лера взглянула на кухонные часы в виде большого красного яблока. – Ты бы мне рассказала. А у меня все хорошо. Ну, в общих чертах.
- Ты с родителями живешь?
- По-разному, как жизнь поворачивается. Они, во всяком случае, живут здесь, так что... Тебя я сюда взять не могу.

Настя вздохнула. Годы ничто не изменили – Лера по-прежнему все понимала с полуслова.

– А мне как раз нужно где-то пережить пару месяцев, – призналась она. – Все равно, где и как. Но денег у меня маловато. Я думала, что можно у тебя... А, все равно.

– погоди, – Лера допила свой остывший кофе, открыла пудреницу, проверила, в каком состоянии помада на губах. Помада лежала идеально. – Я вот что думаю! Если ты не слишком гордая, я бы тебя отвезла в одно место.

– Господи, а гордость тут при чем? – слегка встревожилась Настя. – Это не публичный дом?

– Это не публичный дом, это настоящий бардак, – пояснила Лера, защелкнув пудреницу. – И там нужна уборщица, ну горничная. Предоставят комнатку и даже будут немножко платить. Бешеных денег не дадут, потому что они жлобы.

Настя с ходу согласилась, даже не дав подруге договорить.

– Ты не представляешь, что это за дом, – предупредила Лера. – Когда тебя там допечет, ты начнешь меня проклинять. На фига мне это нужно?

– Мне все равно, только бы куда-то исчезнуть, – ляпнула Настя и тут же пожалела, что сказала это. Лера пристально на нее взглянула, поджала губы:

– Очередная история с милицией?

Настя мотнула головой.

– Кстати, ты помнишь Ксеньку? – Лера поднялась из-за стола.

– Да. А что? – Этот простой вопрос дался Насте с большим трудом.

– Она давно на свободе. Амнистировали по состоянию здоровья, она там подцепила туберкулезную палочку. Живет с предками, лечится, я ее недавно встретила, так она меня не пожелала узнавать. Потом немного разговорилась. Спрашивала про тебя, между прочим.

– А почему между прочим? – еле выдавила Настя.

– У меня такое впечатление, что она хотела с тобой связаться. Но ты понимаешь, какая чепуха – я же никогда не записывала твой адрес и телефон. И теперь начисто забыла. То есть, где твой дом, я помню, а который он?! Без номера фиг поймешь, они же все одинаковые. А телефон вообще накрылся, двух цифр вспомнить не смогла.

– А я твои координаты записала, – улыбнулась Настя. – Когда стала их забывать.

– Значит, ты согласна выступить в роли горничной? Чистить ковры, мыть посуду, гулять с собакой?

Настя сказала, что она согласна и на гораздо более худший вариант. Лера шурилась, рассматривая ее, и казалось, не решалась задать главный вопрос – что же случилось? Наконец она пообещала, что вернется через пару часов, и тогда уже точно скажет, удалось ли пристроить Настю. А пока она может остаться тут. Родители еще долго не вернутся.

Настя любила оставаться одна в чужих домах. Боже упаси, не потому, что надеялась что-то стянуть или прочесть чьи-то тайные дневники... Скорее, это было похоже на посещение зоопарка, где ей предлагалось по виду пустой клетки определить, какое животное в ней живет. Увлекательное занятие, позволяющее больше узнать о своих знакомых. Настя прошлась по всем трем комнатам, заметила, что недавно был сделан недорогой ремонт, а вот мебель не менялась. Появился новый телевизор, висели новые шторы. Это – что касалось комнаты родителей и столовой.

А вот комната подруги ее слегка озадачила. Настя помнила, что когда-то здесь было уютней всего. Стояли цветы в больших напольных горшках, и время от времени какое-нибудь растение зацветало. На подоконнике Лерка когда-то выгоняла в плоских гиацинты. Их яркий, горьковатый запах наполнял весь дом... Над письменным столом, где Лера-школьница готовила уроки, висело в ту пору огромное, кристально-чистое зеркало. Лерка страдала нарциссизмом – она была без ума от своего точеного, немного хищного личика с задранной подбородком профессиональной танцовщицы. Как ей вообще удавалось готовить уроки – было тайной.

И еще множество ярких мелочей, подобранных со вкусом и любовью, составляло общую картину... Теперь же...

От цветов не осталось и следа. В углу все еще стоял горшок с землей, в нем виднелось какое-то засохшее кустарниковое растение. Гиацинты, игрушки, китайские вазочки – все куда-то исчезло. Зеркало было мутным – его не мыли по крайней мере год... Настя откинула плед с постели и увидела, что там не было белья. «Она тут не живет, – поняла Настя. – Возможно, я вообще застала ее случайно. Может, прежде чем просить ее о помощи, стоило расспросить, как она сама существует? Где? С кем? На какие средства? Свалилась ей на голову после пяти лет отсутствия, требую помощи, требую, чтобы старая дружба сразу возродилась... Это настоящее свинство».

В дверном замке заерзал ключ. Настя вышла в прихожую – на пороге стояла возбужденная Лерка:

– Ты готова? Поехали.

– Прямо сейчас?

– Да, машина ждет.

Настя прихватила сумку, обулась, и подруги спустились во двор. Лера, слегка спотыкаясь на непомерно высоких каблуках, провела ее к довольно грязной машине, стоявшей неподалеку от подъезда. Настя машинально отметила, что машина такой марки – «джип-чероки» – была у одного из «покупателей» их магазина. Но это была не та машина, ту бы она сразу узнала.

– Садись, – Лера отперла дверцу и втокнула подругу на заднее сиденье. Сама залезла следом.

На переднем сиденье Настя увидела двух мужчин. Тот, что был за рулем, даже не повернул головы. А его сосед поздоровался:

– Будем знакомы, Дима.

– Настя, – робко сказала та.

– Димка, не подмазывайся заранее, – весело предупредила его Лера, запахивая на обнажившихся коленях пальто. – Когда она увидит твою халабуду, ничего тебе не поможет. Верно, Настя?

Та дернула Леру за рукав, чтобы заставить ее молчать. Машина тронулась. Водитель по-прежнему не издавал ни звука, а Дима, повернувшись к девушкам, рассказывал Насте:

– Дом за городом, это для тебя минус, конечно. Но когда тебе будет нужно в Москву, я тебя отвезу. Договорились?

Настя только кивала.

– Работы там, конечно, много, – продолжал он, поглядывая на часы. – Но я не требую невозможного. Главное – чтобы было из чего поесть-попить. Ну и чтобы хотя бы на первом этаже был порядок.

– А сколько этажей? – У Насти впервые возникла мысль, что может, она взвалила на себя непосильный груз.

Чистота в доме и мытье посуды никогда не были ее сильным местом.

– Три. – Убил ее Дима. – И конечно, ванны надо чистить. Ну, окна мыть я тебя не заставляю, найму ребят. Еще что?

Вмешалась Лера:

– А еще, Настенька, там ковры, хрустальные люстры, громадные, как в метро, и два засорившихся унитаза, и этот гребаный паркет, вместо которого надо было класть мраморную плитку, я ему сразу говорила, и еще там две немецкие овчарки, жутко нервные, хотя не злые, а еще там сиамский кот, который этим овчаркам, наверное, уже носы поотгрызал, а кот все метит и рвет мягкую мебель, и за ним надо чистить пылесосом, потому что он линяет, а еще там, оп...

Тут Дима зажал ей рот ладонью. Настя смеялась – только не от радости, а от ужаса.

– Ты ее не слушай, – вздохнул Дима, убирая ладонь и брезгливо разглядывая на ней следы помады. – На животных вообще не обращай внимания. Короче, сама все увидишь. Двадцать километров от Москвы. Ну и триста баксов в месяц.

– Жлоб, – кратко высказалась Лерка.

– Это нормальная цена.

– Дай ей хотя бы пятьсот. Это моя подруга.

– Так может, ты ей будешь помогать? – ядовито спросил Дима.

Настя наконец сообразила, что они любовники. Посторонние люди не могли бы вложить в свои голоса столько яда. Все замолчали. Дима курил, шофер включил музыку. Настя прикрыла глаза. Что-то беспокоило ее, и это был не тот дом, куда они ехали. Это было что-то, что встревожило ее еще во дворе. Только она тогда не успела ничего понять – слишком быстро Лера ее усадила в машину. Настя пыталась припомнить...

«За мной следили? – спрашивала она себя. – Никого там не было. А если следили, то и теперь следят. Надо бы и мне последить...» Она слегка повернула голову, потом повернулась совсем, убедившись, что никто не обращает на нее внимания. Она смотрела на машины, которые ехали за ними, но в конце концов сказала себе, что знакомых машин там нет. Села на прежнее место, вздохнула. «В конце концов, когда это случится, я и так узнаю... Но что же такого было во дворе?» И вдруг она вспомнила. Вспышка высветила перед ней ту самую машину, в которой они сейчас ехали за город. Машину, заляпанную грязью, но сразу видно – новенькую. И без номеров.

«Как же мы едем?! – в панике спросила она себя. – Как нас до сих пор не схватили за задницу, то бишь за бампер?!» Она нагнулась к Леркиному уху и едва слышно сообщила ей о своем открытии.

– Знаю, – легкомысленно отмахнулась Лерка.

– Как же так?

– А никак. Не бери в голову. Если едем, значит, можно.

Дима что-то сказал, не оборачиваясь, но Настя не успела вникнуть в смысл его слов. За ее спиной что-то грохнуло, и ей на голову посыпалось стекло. Она машинально оглянулась, и этот поворот головы совпал с чем-то легким, стремительным, что слегка обожгло ей лицо. Глухой шлепок – и «джип» понесся куда-то вбок. Настя увидела, что водитель, так и не давший ей услышать звук своего голоса, лежит головой на руле и больше ничем не управляет. Дима что-то крикнул, пригнулся, схватился за руль, выворачивая его в свою сторону. Лера завизжала и вцепилась в подругу. Машину подкинуло, и она остановилась, въехав колесом на тротуар. Теперь выстрелы звучали непрерывно – машину расстреливали из автоматов. Настя лежала на сиденье, схватившись за волосы визжащей Леры. Дима внезапно выскочил из машины и побежал по тротуару назад. В руке у него появилось что-то, похожее на камень... «Граната, – поняла Настя. – Это конец».

Но в тот же миг Дима упал. Гранату он, наверное, все же успел кинуть, потому что девушки были оглушены взрывом. Настя судорожно пыталась открыть дверцу, в панике позабыв, как это делается. Лера внезапно пришла в себя и потянула подругу в свою сторону:

– Там заперто... Бежим!

Она буквально выпала на тротуар и кошкой метнулась куда-то в сторону. Настя последовала за ней, каждый миг ожидая пули. Но больше никто не стрелял. Краем глаза она увидела бегущих к ней людей в камуфляжной форме, и с автоматами наизготовку. Она судорожно оглянулась и увидела Леру, исчезающую за углом. Помчалась за ней, совершенно не веря в свое спасение. Промелькнул газетный киоск, какой-то странный двор – почти восточный – с пирамидальными тополями, с засохшим плющом, тесно обвившим стены. Она не оглядывалась – бежала наудачу, стараясь не сбить дыхание, глаза были полны слез, рот открыт.

– Сюда!

Она увидела Лерку, та отчаянно манила ее в какой-то подъезд. Настя юркнула туда и разом опустилась на корточки – ноги подогнулись.

– Нам... Нельзя тут оставаться! – выдохнула она, когда слегка отдышалась.

– Сиди! – Лерка припала к грязному стеклу в двери, пытаясь рассмотреть двор. – Их пока нет. Что же делать, мамочка, что же делать?!

– Бежим отсюда! Поймаем машину, уедем подальше!

– Сиди, говорю. Их там сейчас полно.

– Кто это был?

Лера не ответила. Она вдруг отвернулась к стене, и Настя услышала всхлипывания.

– Прекрати, – Настя с трудом встала на ноги. – Твой Дима, он бандит, да?

– Дура... – Лерахватила ее за руку. – Забудь ты о нем, бога ради! Как думаешь, нас успели рассмотреть? Они нас видели?

Настя мрачно покрутила пальцем у виска:

– А ты как думаешь? Я удивляюсь, как нас не прикончили. И вообще все странно. Помоему, это был РУОП. Твой Дима, конечно, бандит. Но почему они сразу стали стрелять? Почему не предупредили?

Лера как-то вдруг перестала всхлипывать. Высунулась из подъезда, покрутила головой и потянула за собой Настю:

– Пошли, нельзя тут оставаться.

Девушки перебежками пересекли двор, и Лера вывела подругу на другую улицу. Здесь не было заметно ни милиции, ни РУОПа, и все же они не решились выйти. Так же, дворами, они прошли целый квартал, каждую минуту ожидая, что столкнутся с людьми в камуфляже. Настя высказывала мнение, что квартал могли оцепить. Лера возражала, что у них для этого людей не хватит. И вообще, пусть Настя оставит свои умные домыслы при себе. Наконец Лера решила, что настал момент ловить машину. Девушкам это удалось без труда – они ни минуты лишней не остались у всех на виду на краю тротуара. Настя услышала, как подруга называет какую-то подмосковную местность. Водитель поторговался, и они поехали.

– Не лучше ли домой? – шепнула Настя.

– Домой, домой. А дома что?

– Ты там совсем не живешь?

Лера не ответила. Открыла сумочку, напудрила заплаканное лицо и стала смотреть вперед – с каким-то неистребимым упорством. С Настей она даже взглядом не встречалась, пока машина не доставила их к цели...

Пока Лера расплачивалась с водителем, Настя в растерянности озидала трехэтажный, ничем не примечательный дом из красного кирпича. Машина уехала, а Лера отперла калитку и вошла:

– Не стой там, заходи скорее.

– Какое уродство, – пробормотала Настя, проходя во двор. – За эти же деньги он мог построить настоящий замок.

– Ты что – архитектором заделалась? Живешь всю жизнь в хрущобах, и еще нос воротить.

– Но, как я поняла, ты же была при этом строительстве? Неужели не могла подкинуть пару идей, как хозяйка дома?

– Кто тебе сказал, что я тут была хозяйкой? – Лера отперла дверь. – Входи, и так уже все поняли, что мы тут.

Внутри дом оказался таким же неудобным, каким неказистым он был снаружи. Просторный холл, оклеенный такими обоями, что в глазах темнело, цветы по углам, посередине – ковер. Вся мебель тут терялась, как на вокзале.

– Твой Дима – новый русский, – Настя хлопнула в ладоши и послушала эхо под потолком. – Вот здорово! Сколько живу, только и слышу про новых русских. А дома у них никогда не была. Недурная жилплощадь. Можно на коньках кататься.

– Ой, помолчала бы ты, – с досадой отмахнулась Лера. – Дай мне сообразить... Что делать-то?

– А зачем мы сюда приехали? Я думала, ты знаешь зачем?

– Больше некуда ехать, – кратко пояснила та.

– Послушай, но если это был РУОП, нам тут нельзя оставаться, – встревожилась Настя. – Они настроены слишком решительно. Открыли огонь без предупреждения. И причем стреляли не по колесам, а на поражение – ты поняла? Пуля попала в водителя случайно. А вообще – она была моя. Что он натворил, твой Дима?

– Ничего, просто жил, как все люди, – Лера прошла через холл и открыла дверь: – Поможешь мне собрать вещи? Ты права, надо уезжать отсюда. Но не с пустыми руками.

Лера провела ее в столовую и отперла буфет. Настя поняла, что ее подруга владеет всеми ключами от дверей этого дома.

– Вот, – Лера постучала по дверце красного дерева. – Опустошай эту бандуру, складывай в скатерть. Продадим – полжизни на эти бабки проживем.

Скатерть она сорвала с длинного стола, расстелила на полу.

– А я пойду, найду свои документы и прочее. Все же осталось тут. Хороша бы я была перед ментами...

И она исчезла. Настя с опаской заглянула в буфет. В следующий миг она забыла обо всем на свете. На свет божий была извлечена серебряная супница изумительной работы – вместо ручек – виноградные листья, внутри – позолота... «Ой, как бы это не старинная, – Настя подняла тяжелую супницу на уровень глаз и посмотрелась в нее. – Старинная, конечно. И серебряная, судя по весу...» Следом за супницей она с трудом выволокла из буфета серебряные блюда с тем же виноградным орнаментом, серебряные кубки, вилки, ложки, ножи, даже серебряная поварешка там нашлась. Все это Настя укладывала в скатерть, поражаясь тому, что из такой красоты можно есть. Покончив с опустошением буфета и завязав скатерть узлом, она попробовала его поднять и поняла, что весит он добрых килограммов двадцать. Ей ни за что не утащить.

– Лера! – крикнула она. – Ты где?!

Но вместо Леры она вдруг увидела кота. Настоящего, чистокровного сиама – крупного, черноногого, с кровавыми глазами навывате. Кот мягко вошел в столовую, сгорбившись, приблизился к Насте и принялся обнюхивать ее руку, слегка тыкаясь в нее влажным прохладным носом. Она замерла от страха – про сиамцев ничего хорошего в жизни не слышала. Но кот ее не тронул. Он так же задумчиво обнюхал ее руки, а потом сел перед ней, зевнул и уставился ей в глаза. А в его собственных странных глазах, казалось, циркулировала яркая кровь.

Кот заставил Настю вспомнить о собаках. «Две немецкие овчарки?! – спросила она себя. – Где же они? Первыми сюда должны были прибежать собаки, а не кот! Ведь в доме чужой! В доме чужой...»

Она встала, прислушалась. В доме стояла мертвая тишина. В незашторенное окно были видны сосны, а за ними – почерневшая после последней оттепели снежная поляна. Где-то неподалеку слышался частый шум электричек, значит, дом стоял рядом с железной дорогой. Но она не услышала ни собачьего лая, ни голоса Лерки. Позвать ее еще раз она почему-то не решилась. Внезапно кот вскочил, выгнув спину крутым горбом и издал странный, сиплый звук. Настя отшатнулась от него, ей показалось, что сейчас кот вцепится ей в ногу. Но он без всяких видимых причин успокоился и медленно покинул комнату.

Она пошла за ним. Кот прошел по коридору и буквально втиснулся в какую-то приоткрытую дверь. Настя заглянула туда и увидела край огромной кровати. Ей показалось, что в комнате кто-то шевельнулся.

– Лера?

Она открыла дверь, и ей пришлось вцепиться в медную ручку, чтобы устоять на ногах. В комнате действительно стояла кровать. Несомненно, это была спальня. Несомненно, прекрасно обставленная. Спальня эта, вне всяких сомнений, принадлежала молодой женщине. А женщина, бесспорно, была красива... Настя могла оценить ее красоту, потому что хозяйка спальни лежала на своей огромной постели, в зеленом купальном халате. Сильно загорелая, миниатюрная брюнетка, красивая даже без единого грамма косметики на лице. В ногах у нее лежали две немецкие овчарки. Возможно, при жизни они и были нервными. Но теперь это были всего лишь две мертвые собаки, совершенно окоченевшие. И их владелица тоже была мертва. Настя не смогла увидеть на ее теле никаких следов насилия. Ни крови, ни следов от удушения, ничего. Можно было подумать, что женщина уснула тут со своими собаками. А кот, который наконец попал в поле зрения Насти, вспрыгнул на край постели и своей мягкой, вкрадчивой походкой приблизился к лицу женщины. Принюхался, опустил голову, несколько раз брезгливо фыркнул, отряхнул передние лапы, соскочил с кровати и прошмыгнул мимо Настиных ног в коридор. Больше она его не видела.

Настя закрыла дверь. Почему молчали собаки, она уже поняла. Но легче ей от этого открытия не стало. Кто была эта женщина?! Лера не сказали ни слова ни о какой женщине, явилась сюда в качестве хозяйки... И где сама Лера? По-прежнему не было слышно ни звука, кроме далекого гула электричек.

В столовой что-то грохнуло, звякнуло, раздался приглушенный голос: «А, черт...»

– Лера?!

– Иди сюда, помоги... – раздался Леркин голос.

Настя ворвалась в столовую, увидела, что Лерка волочет по полу узел с серебром. На плече у нее висела большая сумка, набитая до отказа. Лерка злобно глянула на нее сквозь растрепанную челку:

– Где шляешься?!

– Там, – Настя махнула рукой в коридор. – Ты видела?! Женщина...

– Помоги!

Девушки схватились за узел и вытащили его в коридор. Лера прошипела:

– Давай к выходу, я подгоню машину. Да не туда, балда, к другому входу!

Настя ждала ее возле железной двери, которой кончился длинный коридор. Наконец послышался шум мотора, она выглянула. Лерка сидела за рулем синих «Жигулей»:

– Волоки в багажник!

Вместе они засунули серебро в багажник, туда же Лера грохнула свою сумку.

– Садись рядом! – скомандовала она Насте, усаживаясь за руль.

Через минуту особняк из красного кирпича остался позади, исчез за соснами. Они ехали по ухабистой, скользкой дороге среди какого-то леса, удаляясь от шума электричек.

– В спальне был труп какой-то женщины и две мертвые собаки, – сказала Настя, все еще оглядываясь назад. Погони за ними, во всяком случае, не наблюдалось. Лера вздернула подбородок, глядя только вперед, на дорогу:

– Я видела.

– Что это такое? Кто она?

– Димкина жена.

– А ты... Ты в таком случае зачем туда явилась?! – поразила Настя.

– За своими вещами.

– Но ты же спала с ним?!

– Ой, замолчи, – пробормотала та, включая радио. – Какая тебе разница... Спала не спала... Аська – моя подруга.

– Аська – та, что умерла? А она знала, что ты спишь с ее мужем?

– Я тебя прошу – помолчи!

Настя решила больше не приставать. Наконец, когда они оказались на Ярославском шоссе, она поняла, что машина направляется в Москву.

– Куда же мы едем? – спросила она. – Разве нам туда можно?

– А почему нельзя? Москва – муравейник, кому мы там нужны? И потом, нас никто искать не будет.

– Не знаю, как тебя, а меня – будут! – возразила Настя и вкратце все ей рассказала. И про магазин, и про Ванессу, и про взрыв, и про Витино предательство. Лера выслушала ее, не перебивая, только в конце спросила:

– Ну, а кто там был, за рулем той машины? Ты видела?

– Нет... Там же тонированные стекла.

– Так они что – придурки? Сами не понимают, что ты никого не видела?

– А машина?

– Чепуха. По-моему, ты зря так перепугалась. Ну, кто ты такая для них? Мошка мелкая. Они милиции не боятся, что им тебя-то опасаться? Плюнь и забудь. Ты все преувеличила.

– Нет, сперва я хочу убедиться, что я им не нужна, – вздохнула Настя. – И потом... В таком случае, я не поняла, почему меня вдруг уволили?

Тут Лера не нашлась, что сказать. Пожала плечами, подумала и наконец призналась, что это очень подозрительно.

– Ну ладно, я тебе все выложила, – заметила Настя. – А ты почему молчишь?

– Да нечего рассказывать. Подружилась с Аськой, она у нас танцевала. Потом Аська круто вышла замуж. Познакомила меня с мужем. Бросила танцевать – так Дима ей велел. Ему не нравилось, что кто-то смотрит на ее ручки-ножки. Ну, понятно, что Аське стало скучно. Я приезжала к ней за город, мы устраивали в этом доме роскошные пьянки. Ну, Дима своего не упустил, как-то раз завалил меня... Ну, и пошло-поехало. А мне что от своего счастья отказываться? Он вообще был добрый парень. Хотя и свинья. Он бы и тебя завалил, если бы ты туда горничной устроилась.

– Спасибо за такое счастье. Ну, а что сегодня утром случилось?

– Ну, уж этого я не знаю. Я с ним созвонилась – у него офис в Москве. Обещал сразу забрать тебя за город. Ты же так к этому рвалась. А что было потом – ты все видела сама.

– Ладно, предположим, что Диму грохнул РУОП. А кто его жену убил?

Лера выразительно на нее взглянула:

– Ты что – дефективная?

– В смысле?

– Да она же сама! Сперва собак своих любимых отравила, потом сама траванулась. Записку хочешь почитать? Возьми мою сумочку, поищи.

Настя достала с заднего сиденья сумку Леры, открыла ее, вытащила скомканный листок бумаги. Развернула, прочла... Женщина, которая это написала, сообщала, что уходит из жизни по собственной воле, что жить так больше не может, и просит в своей смерти никого не винить. Подпись – Ася Полосухина.

– Зачем ты это унесла? – испуганно спросила Настя. – Теперь могут подумать, что ее кто-то убил, а не она сама...

– Пусть думают, что хотят. – И, внезапно понизив голос, Лера сообщила: – Честно говоря, я и сама думаю, что ее кто-то убил.

– Да ты что?!

– А чего ради ей кончать с собой?! Дом-то записан на нее! Даже если бы Димку посадили или прикончили – она бы все равно нищей не осталась. Безумной любовью она его не любила. Молодая, красивая, здоровая. Ты бы покончила с собой при таком раскладе?

Настя признала, что это действительно было бы глупо.

– Но в таком случае, это, наверное, был не РУОП, – завершила свою мысль Лера. – Слишком много совпадений. Почему они стали стрелять, не предупредив? Ведь видели наши бабские затылки, понимали, что в машине не только эти бандиты. А все же стреляли. РУОП попытался бы и нас задержать. А кто за нами гнался? Да ни фигя. Нас просто отпустили на все четыре стороны. Пятнистую униформу сейчас кто угодно может надеть. Для понта. Автоматы тем более, не проблема. И если это был РУОП – кто убил Аську?

– Но как же ее заставили выпить яд? Неужели она согласилась?

– Ага, только ее согласия им и не хватило для счастья, – пренебрежительно заметила Лера. – Заставили, не беспокойся. И еще вот что. Аська была жуткая собачница. Своих овчарочек любила, как родных детей. Чуть ли не на руках таскала, забаловала совершенно. Эти твари гадили во всех комнатах, и никто на них даже не замахнулся. Она запрещала. Ну, разве бы она их отравила?!

Настя была вынуждена согласиться, что и эта деталь не вписывается в картину самоубийства.

– Значит, их всех уничтожили специально... В одно время – всех оптом... – пробормотала она. – Кому это было нужно?

– Кому? Не желаю знать. Скажи спасибо, что нас не тронули. И вообще, ты даже не представляешь себе, чего мы с тобой избежали!

Настя и на этот раз не стала возражать. Внезапно ей стало смешно. «Обратилась к Лерке за помощью, мечтала о спокойной жизни... И вот тебе, успокоилась. Чуть ли не навсегда». Она даже улыбнулась, и Лера это заметила:

– Ага, очень весело!

– А почему бы мне не веселиться? Ты хоть понимаешь, что теперь мы должны прятаться вдвоем? Вот вляпались...

– Но зато у нас есть деньги. Серебро – это большие бабки, и я еще кое-что прихватила. Во всяком случае, Аську перед смертью не ограбили.

– Зато ты ее ограбила после смерти. Что у тебя в сумке?

– Деньги, золотишко, мое барахло. А что тут такого? Если бы я не взяла – другие бы нашлись.

– А машина чья?

– Аськина, личная. И номера на ней имеются, не переживай. Права у меня есть, и я их честно получила, после автошколы.

– Ладно, последний вопрос. – Нахмурилась Настя. – Куда мы едем? Я предлагаю снять квартиру. Не желаю ни у кого жить.

– Представь себе, я тоже решила снять квартиру, – откликнулась Лера. – Во всяком случае, к вечеру мы ее снимем.

Как она сказала, так и вышло. Остаток дня прошел совершенно сумбурно. Настя звонила по телефонам посреднических агентств, ей предлагали варианты, она согласилась осмотреть два из них. В пять часов – один осмотр, в семь – другой. Они с Лерой остановились на втором. Агент познакомил их с хозяйкой, переписал данные Настиного паспорта в договор о сдаче внаем, взял комиссионные, отдал хозяйке предоплату за два месяца...

Не успели девушки оглянуться – они уже сидели на кухне, за маленьким шатким столиком. На столике лежала связка ключей. Из крана капала вода. За окном без штор – россыпь московских огней. Настя заставила себя встать, заглянула в закопченный чайник, стоявший на

плите, набрала туда свежей воды, включила газ. Лера даже пальцем не шевельнула. Она положила голову на стол и молча тряслась от рыданий.

– Прекрати, – сказала Настя, открывая форточку, чтобы освежить нежилой воздух квартиры. – Немедленно перестань.

– Настюха... – выдавила сквозь всхлипывания Лерка. – Ты себе не представляешь, что со мной случилось... Ты себе не представляешь...

– Как же, не представляю! Я при этом была, между прочим.

– Да что ты видела?! Что ты видела... – Лера сгорбилась и закрыла лицо руками. Сквозь сомкнутые пальцы прорывался ее искаженный голос: – Меня теперь тоже, наверное, убьют...

– А ты тут при чем?

– Я... Я тебе все наврала.

И после этого туманного признания Лера снова залилась слезами. Настя тронула ее за плечо:

– Прекрати. По-человечески сказать можешь?

– Ох, боже мой... Да я была его женой, я!

После недолгого молчания Настя присвистнула:

– Вот это номер... Ты?! А кто же тогда эта Ася?!

– Аська, сука...

– Любовница?!

Вместо подтверждения Лера глухо завывала. Настя опустилась на стул рядом с подругой. Голова отказывалась ей служить. Она могла только молча смотреть в черное, наполненное огнями окно, слушать, как начинает ворчать чайник на плите...

– У тебя есть сигарета? – спросила Лера, вытирая глаза истерзанным носовым платком.

– Должна быть.

Настя сходила за сумкой, протянула Лере пачку сигарет:

– Ты мне все-таки что-то объяснишь?

– Но ты... Ты больше никому?! – Лера жадно схватила сигарету, подожгла ее, затаилась. В ее лице впервые за вечер появилось что-то прежнее, умиротворенное. Настя обещала молчать.

С тех пор как девушки расстались, прошло почти шесть лет. А Настя, слушая рассказ Леры, должна была признать, что с ней почти ничего не происходило, по сравнению с подругой. Из того, что рассказала Лера раньше, правдой оказалось только одно – Ася Полосухина действительно была ее партнершей в танцевальной группе. Эта группа по-прежнему выступала на дискотеках, в ночных клубах, где придется – только бы платили. В одном ночном клубе Лера и встретила своего будущего мужа.

Дима ей понравился сразу, впрочем, как нравились ей многие мужчины. Он был хорошо одет, у него была машина, и он умел развлечь девушку. Когда группа прекратила выступать в его клубе, он уговорил Леру бросить танцы, чтобы чаще бывать вместе. Лера согласилась после того, как убедилась – у него действительно водятся деньги. Откуда они – девушка предпочла не вникать. Несколько раз он назначал ей встречу в своем офисе, в Москве. Лера до сих пор ничего не знала о его фирме, кроме того, что в офисе стоит пара компьютеров, типовая офисная мебель и сидит средней привлекательности секретарша... Ну, и конечно, она знала, что эта фирма дает Диме возможность строить дом в ближнем Подмосковье.

Он возил ее на стройку, когда только закладывался фундамент будущего дома. Лера сидела под соснами с пакетом сока, морщилась от грохота, цементной пыли, слушала шум электричек... Дом рос прямо на глазах. Когда дело дошло до интерьера, до внутренней отделки, Дима нанял дизайнера. Лера по-прежнему ни во что не вмешивалась, хотя то, что предлагал дизайнер, ей по вкусу не пришлось. Она придерживалась того мнения, что мужчина может испугаться, если женщина слишком часто вмешивается в его жизнь.

Дом был готов, и вскоре Лера перевезла туда почти все свои вещи от родителей. Новоселье было сыграно, и даже не одно. И на каждом Лера выступала в роли хозяйки. Ее уже принимали за жену, но женой Дмитрия Шебеко она пока не являлась. Лера по его настоянию закончила автошколу, получила права, и он купил ей те самые синие «Жигули»-девятку, на которых она привезла Настю в Москву. В один из дней она села в машину, поехала в город и вернулась оттуда с цветами, рассадой, семенами, удобрениями – она накупила всего почти на пятьсот долларов. Вскоре дом зазеленел изнутри и снаружи, приобрел некоторое подобие домашнего очага. Диме это понравилось.

– Он сделал мне предложение, – сдавленно говорила Лера, затягиваясь сигаретой, догоревшей почти до фильтра. – Ну, я согласилась. Дура я, что ли? От такого не отказываются. Ну и что, что я ему не доверяла? Что – у нас разводиться запрещено? Зато бы я полдома отсудила при разводе. Права я или нет?

Настя пожала плечами:

– Неужели ты получишь полдома?

– Может, я весь дом получу... Если меня не прикончат.

И Лера продолжала рассказ. Поженились они два года назад. И началось то, чего Лера больше всего боялась – скука. Старых подруг, с которыми она общалась еще в танцевальной группе, она потеряла. А новые заводились с трудом. Даже Настиних координат у нее больше не было. Целые дни Лера проводила в загородном доме почти одна, если не считать горничных, уборщиц, которые сменялись каждый месяц. Никто не уживался подолгу, потому что дом получился нелепо огромный, уборки было много, а Дима почему-то скупился на достойную оплату их труда. Бывали времена, когда целыми неделями никто не прикасался в этом доме ни к тряпке, ни к пылесосу. Лера делала только одно – ухаживала за цветами. Завела кота...

– А овчарки были твои? – перебила ее Настя.

– Аськины! Она так и заявила к нам – со своими собаками! Ее вышибли из дома родители. Именно из-за собак. Она решила бросить танцы и устроить дома питомник немецких овчарок. Ну, а они были против. Эти двое – кобель и сука – весь дом там перегрызли... Вплоть до родителей. Ну, я узнала, что Аське буквально негде приткнуться, и предложила ей жить у нас. Я думала, нам будет веселее. И собакам все же лучше на природе. Аська, конечно, согласилась. И ты можешь себе представить – на второй же день я их с Димой вытащила из постели!

У нее перехватывало дыхание, но она все же заставила себя договорить:

– И до вчерашнего дня мы жили... Втроем. Это было невыносимо. Иногда я устраивала ему сцены, уходила к родителям... Но каждый раз он заезжал за мной и отвозил за город. Я не могла сказать «нет». Сегодня утром я тоже была у родителей, потому что ночью он хотел... Он хотел... – Она сипло вздохнула. – Короче, тебе просто повезло, что ты нарвалась на меня.

– Да уж, повезло так повезло!

Настя наконец сняла с плиты искипевшийся чайник. От квартирной хозяйки осталась заварка, которую та забыла увезти. Больше в доме ничего не оказалось. Настя заварила чай прямо в большом чайнике, налила в чашку, придвинула подруге:

– Пей. Ты все мне рассказала?

Лера кивнула и осторожно поднесла чашку к губам. Рука у нее дрожала.

– А кто убил твоего мужа?

– Я не знаю... Я не знаю! Неужели ты думаешь, что я бы сегодня села в его машину, если бы знала?! Я не самоубийца!

Настя кивнула:

– Верно... А кто убил Асю?

– Не знаю! Не знаю!

Настя встала, взяла свою сумку, отыскала там предсмертную записку Аси, расправила ее на столе. Лера невольно протянула руку, чтобы схватить бумажку, Настя успела ее отодвинуть:

– В самом деле не знаешь?

Лера умоляюще смотрела на нее.

– Ладно, предположим, ты этого не делала, – Настя помахала бумажкой. – Но это! Это написала ты! Неужели я не помню твоего почерка?! Сумасшедшая! Сколько поздравительных открыток ты мне написала! Твой почерк – с наклоном влево! У всех нормальных людей – вправо, а у тебя – влево! Потому что до третьего класса ты была левшой!

– Настя! Я ее не убивала!

– Но ты же знала, что она мертва! Уже когда мы поехали к тебе домой, ты это знала! Иначе почему ты была так спокойна?! Я чуть с ума не сошла, когда увидела ее труп, а ты?!

– Клянусь тебе – я этого не делала!

– Бог тебя надоумил забрать оттуда записку! – Настя чиркнула зажигалкой и подпалила угол бумаги. Когда огонь подобрался к ее пальцам, она опустила пылающий комок в пепельницу. Лера жадно следила за тем, как бумага корчится в огне, превращается в хрупкий пепел. – Не иначе, как бог тебя надоумил... Потому что твой почерк узнает любой дурак.

Лера снова плакала, и было ясно, что ни на один вопрос она ответить не сможет. Настя прошла в комнату, разложила старый скрипучий диван. Бросила в изголовье большую подушку без наволочки, развернула плед. Все это принадлежало квартирной хозяйке, и больше у девушек не было ничего.

– Я ложусь спать! – крикнула она. – Не сходи с ума, завтра поговорим!

Она легла, прикрыла ноги пледом. В комнате было жарко, батарея жарила невыносимо, хотя март близился к концу. Настя погасила ночник, подвинулась к стене. Спустя несколько минут к ней пришла Лерка. Она легла с краю, и Настя ощутила, как она дрожит.

– Ну, перестань, – сказала Настя. – Представь, что мы в пионерлагере. Через месяц вернемся по домам. Хватит плакать.

– Я не плачу, – Лера повернулась к ней и ткнулась головой в Настино плечо. И сказала, что ей не к кому, совершенно не к кому будет идти...

И когда Настя уже засыпала, до нее донесся еле слышный вопрос:

– У тебя есть загранпаспорт?

Глава 4

Наутро Лера исчезла. Проснувшись, Настя обнаружила, что она осталась одна. Спустилась во двор и не увидела там знакомой синей машины. Вместе с машиной пропало и серебро, и та самая сумка, которую Лера вынесла из дома. Одно из двух – либо она сбежала, либо отправилась реализовывать ценности. Верным оказалось второе предположение. Лера вернулась к вечеру.

– Я все продала, – лихорадочно сообщила она. – Теперь мы богаты... Во всяком случае, пока.

– Сколько же ты выручила? – понитересовалась Настя.

– Достаточно, чтобы уехать.

– Ты всерьез собралась умотать за границу? Зачем тебе мой загранпаспорт?

Лера, казалось, не слушала. Она прошла в комнату, встала на колени перед постелью и пересчитала деньги – пачки замусоленных долларов, стянутые резинками. Настя молча смотрела. На ее взгляд, тут было не меньше пяти тысяч. Наконец Лера подняла голову:

– Мы едем в Париж.

– Куда?! – Настя так и села. Дальше Турции она нигде не была. А в Турцию ее возил Витя незадолго до рождения ребенка. Ей там не понравилось – слишком жарко, слишком людно... Были они только в Стамбуле, шлялись по рынкам. Возможно, ей помешало оценить тамошнее великолепие уже довольно обременительное пузо. Но так или иначе, поездка ее не впечатлила. А потом все слишком изменилось, чтобы она думала о заграничных поездках. И вот теперь...

– Сперва в Париж, – Настя сунула деньги обратно в сумку. – Потом на юг.

– Объясни мне, что мы там забыли?!

– Мы купим турпутевку, – Лера явно не собиралась ей отвечать по существу. – У меня есть приглашение, но у тебя его нет. Лучше получить визы через турфирму. В Париже мы отделимся от группы и уедем на юг. Там сейчас живет один человек... Он мне поможет.

– Хорошо, ну и поезжай туда, – всплеснула руками Настя. Она была совершенно потрясена. – Спрятаться я могу и в Москве. А там я буду, наоборот, у всех на виду, как последняя идиотка. Я по-французски, например, ни слова. А ты?

– Я тоже, да какая разница?

– А кто этот человек?

– Я познакомлю вас, – с каким-то сомнением в голосе проговорила Лера. – Ты увидишь, какой он. Он... Очень талантливый.

– Так это мужчина? Это твой парень?

– Н-ну...

И больше из Леры не удалось вытянуть ни слова. На другое утро она потащила подругу в какую-то турфирму, там говорила за нее, отдавала паспорт за нее, платила за нее. Настя пыталась держать себя в руках. Она помнила, что в такие энергичные минуты Леру останавливать не следует. Это все равно, что затормозить экспресс, поставив на рельсы ногу.

«Может, она и знает, что делает? – спрашивала себя Настя. – В любом случае, меня ищут в Москве, а не в Париже! А кто меня найдет на этом мифическом французском юге? Я даже не знаю города, куда мы поедem. А уж эти грязные мафиози тем более не будут его знать!» Она даже начинала чувствовать что-то очень похожее на счастье – стоило ей только вспомнить свои многолетние мытарства. Киоск, Витя, хлебный лоток, магазин... Ванесса, недостача, растущая день ото дня, взрыв, который сперва показался ей спасением, а потом стал гибелью... Выстрел в затылок, крошка стекла, которую она еще долго вычесывала из волос после того, как проехала в джипе, бег через сырые московские дворы, молчаливый особняк в снегу, женщина с овчарками... Все это останется здесь, а она – свободная, недостижимая – будет где-то там...

От предстоящего путешествия Настю теперь удерживало одно соображение. Она поделилась с подругой:

– А если нас остановят на паспортном контроле? Твой муж убит, его любовница мертва... Ведь тебя уже давно ищут – с того самого дня. Ты разве не понимаешь?

Но Лера отмахнулась:

– Глупенькая, ты их переоцениваешь. Ну, может, меня и ищут. Но я не верю, что меня схватят за руку в аэропорту. А когда они поймут, что меня нигде нет, будет поздно.

– Ты не собираешься возвращаться из Франции? А как же я? Визу нам дадут на две недели. А что же дальше? Ты понимаешь, что первый же полицейский схватит нас за шкурку?!

– Мы не будем останавливаться в гостиницах, не будем брать напрокат машину, – небрежно ответила та. – И вообще можем потерять наши паспорта. И в конце концов, что тебе важнее – жизнь или мнение какого-то там полицейского?

– Жизнь, – немедленно выбрала Настя. – Но знаешь, мне бы все же хотелось, чтобы меня похоронили на родине.

* * *

В номере двухзвездочной гостиницы едва поместились две кровати, столик, стул. В закутке – умывальник, унитаз, встроенный шкаф. Более мерзкой комнаты у Насти никогда не было. Звукоизоляция здесь тоже была двухзвездочная – все, что происходило за три номера дальше по коридору, ей будто в уши вкладывали. А происходило обычное – туристы полировали свои дневные культурные впечатления, испивая привезенную с собой водку и купленное здесь вино. Было еще не поздно, и если бы за окнами не падала шипящая стена серого ливня, Настя могла бы увидеть стадо панельных домов... Ну, ни дать ни взять, московская окраина! Гостиница располагалась за городом, в каком-то рабочем предместье. У Насти даже было подозрение, что когда-то здесь было рабочее общежитие. Лера давно уже спала, повернувшись к стене. Во всяком случае она не шевелилась и дышала ровно. На столике лежало два картонных билета – завтра девушки уезжали на юг, отделялись от группы. Лера ей так ничего и не объяснила. Пошли уже вторые сутки, как они были в Париже. Настя ездила вместе с группой на экскурсии, а Лера занималась какими-то своими делами. Вид у нее был возбужденный, но довольный.

...Несколько часов, до самого Дижона, девушки не перемолвились ни словом. Настя сидела у окна, не решаясь снять куртку, хотя в вагоне было тепло. Лера, отделенная от нее подлокотником откидного кресла, казалось, дремала.

– Зачем ты взяла сидячие места? – наконец открыла рот Настя.

– Это дешевле.

– Ты уже вынуждена экономить? А твой парень на юге – у него есть деньги? Или оттуда в Москву мы пойдем пешком?

Лера достала из дорожной сумки бутылку воды, напилась, предложила подруге. Вопрос отстался без ответа. Когда стемнело, за окнами вагона начался дождь. Настя сонно смотрела, как стекло покрывается крупными, быстро исчезающими каплями. В вагоне стало душно. Она сходила в туалет и потом еще долго обнюхивала свои руки, насквозь пропахшие казенным мылом. Потом она задремала. Несколько раз за ночь, когда поезд останавливался на станциях, она машинально запоминала названия. Вильфранш, Лион, Гренобль... Только под утро она уснула по-настоящему.

Проснулась она оттого, что Лера крепко взяла ее за плечо:

– Почти приехали, беги умойся!

– Это уже Ницца? – Настя потянулась, оглядывая вагон.

Он был полон. За ночь на эти сравнительно дешевые сидячие места набилось множество каких-то оборванных молодых людей. Они беззастенчиво орали, швыряли друг в друга пластиковыми стаканами, искусственными цветами, вынутыми из железнодорожных вазочек, сигаретами...

– Студенты, – пояснила Лера. – Да что ты копаешься? Ну вот... – Она взглянула в окно. – Пожалуй, ты опоздала...

– Вот это и есть твоя Ницца? – Настя прилипла к стеклу. За окном сияла омытая дождем зелень, в ней быстро мелькали какие-то особняки. – Да это обычная дачная местность...

– Это тебе не Москва. Ладно, на автостанции умоешься.

Лера собрала свою сумку, причесалась, раздирая щеткой длинные, химически завитые волосы. Потом торопливо накрутилась – без косметики ее день не начинался.

– Так мы еще куда-то поедем? – спросила Настя.

Лера сощурила на нее серый глаз, обведенный тушью, и кивнула:

– Автобусом в Грас. А там возьмем такси.

– Ты меня заводишь в какую-то глушь!

– Ничего, ты мне еще спасибо скажешь. – Лера убрала косметику в сумку. – Ну вот и приехали. Пошли. Твой билет у тебя? При выходе с перрона не забудь его пробить.

На автобусной станции она взяла билеты до Граса и увела подругу в пиццерию, из окон которой были видны подъезжающие автобусы.

– Надо немножко поесть, неизвестно, что нас там ждет, – пояснила она. – Не думаю, что для нас приготовили обед.

– А если тебя там не ждут? Ты хоть предупредила, что мы приедем? – забеспокоилась Настя.

Она чувствовала себя совершенно растерянной. Мозг отказывался воспринимать тот факт, что три дня назад она была в Москве, вчера – в Париже, а теперь сидит в ниццкой пиццерии перед тарелкой с дымящейся пиццей, со стаканом кока-колы... И сейчас уедет с побережья куда-то в глубь страны, в некий Грас. Но зато ей было ясно одно – документы у нее для такого самостоятельного путешествия не в порядке и своих денег почти нет. Впрочем, пока Лера за все платила сама.

– Предупредить я не могла, – вздохнула Лера. – Он мог сбежать... Но зато я узнала, что он жив и он там...

– Да кто он такой? Куда ты меня тащишь?

Внезапно Лера выдала ей ту информацию, которой Настя так тщетно добивалась все эти дни. Его зовут Влад. Замечательный парень, жутко красивый – Настя таких видела только в кино. Собственно говоря, он и есть киноактер. Настя не верит? Настя и в самом деле пожелала узнать его фамилию. Но Лера отказалась ее сообщить:

– Он еще не появлялся на наших экранах, так что его фамилия тебе ничего не скажет. Но зато он только что снялся в одном фильме. Французском – прикинь? Не совместном, а именно французском.

И она затрещала дальше. Было видно, что теперь, когда цель стала так близка, молчать у нее больше нет сил. Влад – не только актер. Он еще и сценарий пытается написать. Лера даже уверена, что он обязательно напишет такой классный сценарий, что его сразу купят. А это хорошие деньги здесь, за границей. Пусть Настя даже не сомневается – пройдет всего пара лет, и о Владе все будут говорить.

– Ну, ладно, – Настя покончила со своей пиццей. Пока Лера трещала, она получила возможность спокойно поесть. – Ладно, пусть твой Влад – чудо из чудес, второй Аллен Делон. Верю. Но, скажи пожалуйста, как это чудо нас спасет? Или ты просто решила устроить экскурсию к парню?

Лера рассмеялась:

– А это уже моя забота. Понимаешь, Влад просто не сможет нам отказать в убежище. Дима для него очень много сделал. Ну хотя бы отправил его сюда, во Францию, на свои средства.

– Чего ради? – насторожилась Настя.

– Ради благотворительности. Послушай, автобус через три минуты. Бежим!

И, не дав ей опомниться, Лера выхватила из-под стола сумку и бросилась к посадочной площадке. В автобусе Настя наконец сняла куртку. Ей стало жарко. Она смотрела в окно, и дома, то и дело возникавшие среди весенних полей, казались ей ненастоящими, игрушечными. Ей не верилось, что кто-то их встретит, кто-то будет им рад... «Если этот Влад хороший актер – он конечно, сыграет, что обрадовался нам, – подумала она. – Но долго играть он не сможет. И что тогда?» Лера тоже притихла, приступ болтливости прошел, едва начавшись.

В Грасе на автостанции они взяли такси. Настя уже ни о чем не спрашивала, а Лера выглядела все более неуверенной. Она назвала адрес – какой-то малюсенький городок, как поняла Настя. В его названии присутствовало слово «Грас». Но то, что она увидела примерно через полчаса, когда такси остановилось, ее разочаровало.

– Деревня... – Она вышла, едва не споткнувшись на гравии. – Здесь даже асфальта нет...

– Бери вещи и пошли, – резко сказала Лера. Настя взяла ее за руку и почувствовала дрожь.

– Чего ты так трусишь? Он твой парень или нет?

– Мой. Молчи, прошу тебя.

Лера и в самом деле была слегка не в себе. Она размашисто шла, не оборачиваясь, по ее прямой спине металась волна плохо расчесанных каштановых кудрей. Время близилось к полудню, и солнце припекало почти по-летнему. Настя давно уже несла куртку, перекинутой через локоть, ее кроссовки покрылись слоем серой пыли. Гравиевая дорога кончилась, они свернули на какую-то тропинку среди цветущего голубыми цветами кустарника.

– Это свинчатка, – вдруг сказала Лера, остановившись и сломав себе одну цветущую веточку. – Знаешь, надо было мне стать ботаником, цветоводом. Я ведь об этом и мечтала. А танцы побоку.

– Ты это о чем? – спросила Настя, пораженная таким скачком мысли.

– Этот куст называется свинчатка. А там – жасмин, видишь? Он скоро расцветет. Будут такие крупные белые трубки, с очень сильным запахом. А дальше – розовый жасмин. Он помельче, но пахнет лучше, не так одуряюще. Я смотрю, в этом году кустарники расцветают раньше. Погода лучше.

– Ты здесь уже была?

Лера кивнула:

– Прошлой весной. Здесь было так хорошо. Ну пойдем. Уже близко.

– Почему ты отпустила такси так далеко от его дома? – Настя расстегнула кофту. – Я сейчас заживо сварюсь.

– Я не хочу, чтобы он увидел меня в окно, – ответила Лера. – Ну, вперед.

Тропинка сперва нырнула в кусты, наградившие девушек несколькими царапинами, а потом круто поднялась на пригорок. Настя увидела каменный двухэтажный дом под соломенной крышей и остановилась, пораженная в самое сердце.

– Это же хлев! Загон для скотины!

– Что ты болтаешь? Это поместье семнадцатого века. Знаешь, сколько это стоит? Хлев... Для золотого тельника.

– А чье все это? – Настя припустила следом за подругой по дорожке, которая становилась все шире. Ей стало ясно, что они выйдут к дому с задворок.

– Пока ничье, захочу – куплю. Правда, здесь намного лучше, чем в Подмоскovie?

– Спрашиваешь... А это крыша – она не сгорит?

– Если поджечь – сгорит, – согласилась Лера. – Но ты же этого не сделаешь?

Она толкнула темную от времени деревянную дверь, и они оказались в кухне с красным кирпичным полом. И тут Настя вздрогнула – в солнечном пятне, падавшем на кирпичи из окна, мылась большая сиамская кошка – точная копия той, которую она видела в подмосковном особняке.

– Это твоя? – шепотом спросила она подругу.

– Мой, это кот. – Лера поставила сумку и подбежала к коту: – Родной брат того! Золотой мой, лапушка моя!

Кот бросился наутек. Просочился в дверь и больше не подавал признаков жизни.

– Ужасно, – вдруг сказала Настя. – То же самое было и там... Я увидела кота, кот убежал... Потом я нашла труп.

Лера обернулась к ней с таким бешеным взглядом, что Настя оторопела.

– Здесь о трупах ни слова! – шепотом приказала она. – Иначе мы отсюда вылетим, ты поняла?!

– Ладно, – после минутного замешательства пообещала Настя. – А где же хозяин?

Лера велела оставить вещи в кухне. Они вышли в коридор, где сильно пахло сыростью и мышами. Лера открывала все двери, которые им встречались, заглядывала туда и снова их затворяла. Вместе они поднялись на второй этаж. Туда вела узкая деревянная лестница – такая узкая и ненадежная, что Настя взбиралась по ней со страхом.

Теперь над ними была соломенная крыша. Вернее, ее изнанка – толстые пучки соломы, переплетенные потрескавшейся виноградной лозой. Под крышей светилося открытое окно. Здесь воздух был свежий, теплый, как на улице, здесь пахло весной.

– Влад! – вскрикнула Лера и бросилась в угол, туда, где крыша почти сошлась с полом, образовав острый угол. Настя испугалась – ей почудилось, что Лера обнаружила труп. Но в следующий момент «труп» зашевелился, рывком сел на постели, потер ладонями лицо и уставился на Леру, которая упала рядом с ним на скомканное одеяло и целовала его голые плечи.

– Ты?! – Парень окончательно проснулся. – О, черт... Это ты, в самом деле?

– Я! Ты один? Ты не ждал меня? – бормотала Лера, так к нему прижимаясь, что Настя почувствовала себя лишней. Она оглянулась, отступила к лестнице, но тут парень обнаружил ее присутствие.

– О, боже мой! – Он натянул на себя одеяло, и только тут Настя поняла, что на нем не было даже плавок. Лера солнечно улыбалась, глядя в лицо своему обожаемому кумиру и уже наполовину исчезла под простыней.

«Так она не смотрела на Диму, – подумала Настя, спускаясь по лестнице. Она решила не ждать, когда ее представят. – Значит, в этого она влюблена. Ну, и прекрасно. Только мне-то здесь что делать?!»

На кухне она понемногу отыскала все необходимое для небольшого обеда. Прежде всего сварила себе кофе, отрезала кусок сыра, покрытого голубой плесенью. Этот сыр она любила больше всего, но ей не часто приходилось им лакомиться – чересчур дорого. Так, с чашкой в одной руке и сыром в другой, она отворила дверь и вышла на задний двор. Из голубых кустов свинчатки появился рыжий барбос совершенно московского вида. Он посмотрел на Настю и завил пушистым бубликом хвоста.

– Бонжур, – сказала Настя.

Пес тихонько гавкнул и снова пропал в кустах. В углу двора кучей лежал уголь, мокрый после ночного дождя. В зарослях прошлогодней травы бродили куры. Настя посчитала их и решила, что на неделю хватит. Настроение у нее было какое-то странное – то ли взвинченное, то ли, наоборот, благодушное. Ей здесь все больше нравилось, но она совершенно не понимала, чем все может кончиться.

Усевшись на каменный приступок перед дверью, она допивала свой кофе, когда у нее за спиной раздалось шлепанье босых ног. Даже не оборачиваясь, она узнала Леркину походку.

– Ну, вы поздоровались? – спросила Настя.

– Есть хочу, умираю, – Лерка подошла к ней с яблоком в руке. Глаза у нее блестели, будто в них закапали атропин.

– А где Влад? Стесняется?

– Ищет трусы, сейчас спустится. Как ты думаешь, тут найдется, из чего сделать обед? Или придется ехать в супермаркет?

– Зарежем курицу, – предложила Настя.

– Ну нет, это соседские! – раздался мужской голос. Влад спустился в кухню во всей красе – в мягких оранжевых шортах, в черной майке. Настя встала, поздоровалась, он вежливо ответил. Только теперь она его рассмотрела.

Не слишком высокий – метр семьдесят восемь, не больше. Худой, узкобедрый, с какими-то девчоночьими коленками. Нос заметно вздернут, темные глаза слегка навывкате, густые широкие брови, взбитые надо лбом кудри по моде пятидесятых. То ли он усмехался, то ли у него от природы был такой рот. Насте он, скорее, не понравился – не в ее вкусе, ни то ни се. А Лера светилась от гордости, переводя глаза с любовника на подругу.

– В холодильнике остался кефир, есть яблоки, хлеб. Для вас тут ничего особо нет, а я на диете. Вечером съезжу в супермаркет, – смущенно сказал он. – Возьму велосипед. А, черт... Там камера лопнула.

– Сходим пешком? – предложила Лера.

– Рехнулась? Километр в горку пилить? Нет, я лучше заклею камеру.

Он посматривал на Леру как-то странно, и до Насти без труда дошло – парень вовсе не рад, что жена его благодетеля свалилась ему на голову. Настя молча его рассматривала, дав себе слово, что не будет ни во что вмешиваться.

И кефир, и хлеб, и яблоки – все было на столе. Они уселись перекусить втроем. На допотопной газовой плите закипала кастрюлька с водой для кофе. Лера жалась к Владу, мешая ему подносить к губам стакан с кефиром. Вошел сиамский кот, обнаружил, что его плошка пуста, и несколько раз возмущенно мявкнул. Ему насыпали сухого корма, он брезгливо поел, отряхнул лапы... Настя вздрогнула.

– Ты что? – спросила Лера.

– Совсем, как тот... В спальне.

– Как там Дима? – спросил Влад.

И прежде чем Настя успела что-то сказать, она услышала ответ подруги:

– По-прежнему.

«Вот здорово, – подумала Настя. – Куда я вляпалась в очередной раз?» Влад отодвинул пустой стакан, закурил.

– Последний раз я получил деньги в январе, – сказал он. – Их едва хватило. Теперь я на мели.

– Я привезла деньги, – Лера отняла у него сигарету. – Не надо, Владик. Ты раньше не курил.

– А теперь курю, – сигарета вернулась к нему. – Сколько ты привезла?

– Четыре тысячи.

– Франков?

– Ну, бог с тобой. Что ты... Долларов. – Она принужденно засмеялась. – А когда ты сам разбогатеешь? Тебе все еще не платят?

– Я же говорил тебе, что фильм был малобюджетный. – Влад раздавил окурок в пепельнице. – Обещали что-то дать летом, но я почти не надеюсь. У меня больше надежд на сцена-

рий. Если мне удастся его продать, дела поправятся. Во всяком случае, я пока не могу уехать. И мне нужны деньги.

– Фильм закончен?

– Остался монтаж, озвучка. Работы еще много, а денег нет.

– Я смогу посмотреть? – ласково спросила Лера. – Я весь год мечтала увидеть твой фильм... Только об этом и думала.

Парень нетерпеливо потряхнул своими кудрями:

– Я сам еще ничего не видел. Мне надо будет отдать кое-какие долги, так что твоих четырех тысяч ненадолго хватит. Лучше, если я сам поговорю с Димой. Он хотя бы знает, что ты приехала?

– Нет, я прошу тебя... – Лера положила руку ему на плечо. – Не надо звонить. Он уехал и вернется не скоро. Поэтому я здесь.

– Значит, ты приехала тайком от него?

– Ну, какая тебе разница... – Лера снова сделала попытку приласкаться, но он стряхнул с себя ее руки, встал и вышел во двор.

– Зачем ты к нему так липнешь? – тихо спросила Настя. – Мужчины этого не любят. Он же тебя ни во что не ставит.

– Ой, помолчи! – Лера нервно отодвинула от себя пепельницу, где все еще дымился его окурок.

– И ты в него так врезалась, что за километр видно. Неужели не могла найти парня, который не так влюблен в самого себя?

– Помолчи, я же просила.

– Да пошли вы оба! – Настя выбралась из-за стола, выключила газ, над которым уже исходила паром кастрюлька. – Куда мне заселяться? И вообще – заселяться или уезжать отсюда, пока не поздно?

– Иди, выбери любую комнату на первом этаже, – пробормотала Лера. – И, если можно, не слишком мелькай у меня перед глазами.

Настя подхватила свою сумку с переброшенной через нее курткой и вышла. Единственная комната, в которой можно было жить, оказалась в самом конце коридора. Здесь был старый красный диван, стол, покрытый истлевшим серым сукном, книжный шкаф, где, судя по запаху, жила дружная мышиная семья. Настя уложила туда вещи, сдула пыль с подоконника, с трудом открыла разбухшую раму. Прямо под окном рос куст жасмина. Розового, насколько она могла определить – бутоны еще не до конца раскрылись. Настя улеглась на красный диван, поджала ноги, закрыла глаза. Тут не было ни подушки, ни белья, но она так устала после бессонной ночи в поезде, что сразу провалилась в сон.

Разбудил ее собачий лай. Собака лаяла прямо под окном, лаяла так настойчиво, как это умеют одни дворняги.

– О, черт, – Настя полежала еще немного, пока не поняла, что больше не уснет. Вечернее солнце светило прямо ей в лицо. Она встала, высунулась в окно. Увидела Влада, который ставил перед рыжей дворнягой миску с едой.

– Привет, – сказала она, приглаживая растрепанные волосы.

– Привет, – вполне добродушно отозвался тот. – Я купил в супермаркете средство против мышей, надо насыпать его в твой шкаф. У твоих мышей недавно вывелись детки.

– Да ну их, – Настя сладко потянулась. – Пусть живут. Зря ты потратился.

– Ты что – не боишься мышей? – изумился парень. Он подошел поближе к ее окну, чтобы не приходилось повышать голос. Теперь между ними был только жасминовый куст.

– Не-а. Знаешь, сколько их было в магазине?! По ногам бегали.

– В каком еще магазине?

– Я продавщица. Лерка тебе не говорила? Кстати, где она сама?

– В ванной. Да, представь себе, в этой развалюхе имеется ванная. Правда, воду приходится греть на кухне, на плите, и таскать туда в кастрюле. Захочешь помыться, скажи. Я тебе натаascaю.

Настя отметила, что его настроение переменялось к лучшему. «Наверное, Лерка все-таки его ублажила, – решила она. – А что еще надо мужику? Чтобы ему в рот заглядывали. Даже самый умный не устоит, а этот не самый умный».

– А это правда поместье семнадцатого века? – Настя села на осыпавшийся каменный подоконник. Ее голова почти упиралась в верхнюю часть рамы – таким низким было окно.

– Да. Тут в округе все дома такие. Потом устрою вам экскурсию. – И, совсем понизив голос, Влад спросил: – Ты мне скажи прямо – вы надолго сюда приехали? Лерка не говорит.

– У нас туристическая виза на две недели, – честно ответила Настя.

– Понятно. – Теперь у него было просто прекрасное настроение, судя по лицу. – А чего ради вы ехали через Париж? Могли купить путевки в Ниццу или в Марсель. Не пришлось бы трястись в поезде через всю страну.

– Спроси у Леры. Это она все придумала. А я вчера даже не знала, куда мы собрались. Ты правда актер? – спросила она, чтобы переменить тему.

– Правда, – засмеялся он. – А ты правда продавщица?

Внезапно он задрал голову, к чему-то прислушиваясь, и убежал в дом. Девушка услышала слабые, повторяющиеся звуки и поняла, что на втором этаже звонит телефон. Настя причесалась, взяла полотенце и выгнала из ванны мокрую Лерку, которая мылась бы еще целый час.

К вечеру резко похолодало, и сразу стало ясно, что лето еще далеко. Настя надела два свитера – один поверх другого, Влад сменил шорты на джинсы. Они заперли все окна в доме, и Лера сама проверила, в каком состоянии замки на дверях.

– Запирайся получше, – сказала она Владу. – Когда мы приехали, все двери были нараспашку.

– Здесь чужие не ходят, – он снял с плиты сковородку с тушеными овощами. – У меня еще ничего не украли.

– У тебя просто нечего красть. – Лера нервничала, поглядывая в окно. Но уже стемнело, и невозможно было ничего там разглядеть. – Почему ты до сих пор не повесил занавески?

– Да потому, что я тут не чувствую себя дома. И у меня есть другие проблемы, кроме занавесок. Все, давайте ужинать.

Настя поняла, что днем, пока она спала, парочка сходила в супермаркет. Холодильник был набит продуктами. Но Влад ел только овощи, запивая их кефиром. Ей было даже неловко есть при нем мясо – ведь она всегда считала, что все мужчины – обжоры, а тут получилось наоборот.

– Чего ради ты теперь соблюдаешь диету? – раздраженно спросила Лера. Теперь, ближе к ночи, стало заметно, что ей весьма не по себе. Настя не могла понять причин, но тревога подруги передалась и ей.

– Ведь фильм отснят? – продолжала Лера, явно не ожидая ответа. – Пара лишних килограммов тебе бы не повредила. Завтра поедем на побережье, в какой-нибудь ресторан? Ты знаешь, тут поблизости есть хоть один приличный кабак? Должен быть, мы же не в Рязанской области. Дай-ка мне сигарету.

Она отняла у Влада пачку, закурила. Сделала несколько затяжек, сунула сигарету в свою тарелку с тушеным мясом, встала и вышла. Вскоре под ее шагами закрипела деревянная лестница, ведущая наверх, в спальню. Влад молча добил окурков, протянул пачку Насте. Они оба закурили, стараясь не встречаться взглядами.

– У вас что-то случилось? – наконец решилась спросить Настя.

– Так. Не поняли друг друга, – уклончиво ответил он. – Как всегда.

– Влад, послушай, – Настя прислушалась к тому, что происходило наверху. Но там было тихо. – Я, наверное, все-таки должна тебе сказать. Она мне запретила, но кажется, ты должен знать.

– С Димой что-то? – быстро перебил он.

– Как ты понял?

– Говори же – ну?!

Настя кратко сообщила, что его благодетель мертв. Влад молча докурил сигарету и только тогда попросил сообщить ему подробности. Она рассказала все, что знала, начиная с того, как позвонила в то злосчастное утро Лерке, попросив ее о помощи, и закончив тем, как они приехали в Канны. Он ее ни разу не перебил. Только подвинул свой стул поближе к плите – там было теплее. На конфорке медленно закипал старый, закопченный чайник. Наконец он сказал, что давно ожидал чего-то в этом роде.

– А эту Асю ты знал? – спросила она.

– Нет. Да и не нужно ее знать, чтобы понять...

– Что понять?

– Что она была у них на роли игрушки. Как я. Как ты. Да. Что ты так на меня смотришь? Ты тоже их игрушка.

– Я тебя не понимаю. Я не чувствую себя игрушкой, – нервно возразила Настя.

– Она оплачивает твои расходы, она таскает тебя за собой повсюду, запрещает задавать вопросы, требует послушания? Верно?

Настя должна была признать, что он прав.

– Со мной было то же самое, – Влад снова поднял взгляд к потолку. Там, на втором этаже, слышались глухие шаги. Лера еще не легла. – Сперва мы с нею стали спать. Потом она полностью вникла во все мои проблемы. Мне предложили роль в одном фильме, хорошую роль второго плана. Фильм французский, снимался он здесь, на юге Франции. А у меня не было ни копейки, чтобы поехать. Она нажала на мужа, познакомила нас. Он согласился содержать меня, пока я не закончу работу. Не знаю, о чем он думал. Слепому было видно, что она в меня врезалась по уши. Я бы на его месте не соглашался.

Он встал, насыпал в кружки растворимый кофе, налил кипятку. Наверху все еще слышались шаги, и Настя вопросительно указала на потолок. Он понял этот жест:

– Не переживай, она не слышит. Если бы я знал, что она будет являться сюда каждые два месяца, я бы не принял у них денег. Невозможно так жить. Все время чувствуешь, что ты себе не хозяин. И сказать ей я ничего не мог – ты меня понимаешь?

– Нет.

– Ты и не поймешь. Ты женщина. Женщине проще жить на содержании. А мужчину, который делает то, что я, называют одним красивеньким словом. Альфонс.

– А таких баб, как она, называют суками, – подхватила Настя. – А таких мужей, как у нее, – рогатыми. Давай, продолжай в том же духе. Я думала, ты хорошо воспитан. Зачем ты выворачиваешься передо мной наизнанку? Я тебе за это не плачу.

Он с грохотом поставил на стол свою кружку. Было видно, что он взбешен. Настя тоже поняла, что перехватила через край. Но слушать жалобы этого холеного, женственного парня, влюбленного в свои глаза и кудри, она больше не могла. Слушать – значит встать на его сторону. И еще хуже – признать, что она действительно живет у подруги на содержании.

– Ну ладно, – сказал он деланно спокойным тоном, перекрывая газовый кран. – Спокойной ночи.

И Настя была вынуждена признать, что он действительно хороший актер. Во всяком случае, она не смогла бы проглотить такое оскорбление с таким самодовольным видом. Влад поднялся наверх, а она осталась в кухне. Спать ей не хотелось – выпалась днем.

Она прошлась из угла в угол, рассматривая выщербленные, давно не мытые кирпичи у себя под ногами. На полу было множество пятен – сюда много лет подряд проливали супы, соусы и бог знает, что еще. В углу, среди прочего допотопного барахла, она раскопала керосиновую лампу. Эта лампа напомнила ей родительскую дачу. Дача эта была на расстоянии восьмидесяти километров от Москвы, в сторону Шатуры. Машины у них не было, а электричка шла два с половиной часа. Поэтому ездили туда не часто. Дача стояла на краю поселка, сразу за ней начинался заболоченный луг, а дальше – грибной лес. Вечером налетали комары. Чтобы спастись от них и пережить в доме ночь, родители наглухо закрывали все окна и задыхались в крохотной спальне. На даче было электричество, но на случай перебоев там имелась и керосиновая лампа – почти такая же, как эта.

Настя покрутила винтик, сняла стекло, отыскала спички. Судя по бульканью в резервуаре еще оставалось немного керосина. Загорелся крохотный голубоватый огонек. Он вырос и расправился, когда девушка осторожно опустила на место стеклянный абажур. Настя поставила лампу на стол и выключила свет. В кухне стало уютней, но тревога никуда не делась. Она давно не бывала в загородном доме, и отвыкла от деревенской тишины и тьмы, которая стояла за окном кухни.

«Если здесь что-то случится, никто не услышит, – вдруг подумала она. – Влад говорил, что куры соседские. Если они забрели сюда, значит, соседи живут рядом. Но где? Правда, тут есть телефон. Надо бы узнать номер». И тут же поймала себя на том, что ей никому не придется дать этот номер. Родители сейчас изводятся от тревоги. Настя так попрощалась с отцом, что он наверняка все понял. Конечно, он не мог в точности знать, что случилось, зато ее состояние заметил. И рассказал маме, а мама все преувеличила... И сейчас они, конечно, ищут ее и не могут найти. Если бы они знали, что она сидит в деревенском доме с соломенной крышей, при свете керосинки, на юге Франции. В окружении жасмина и свинчатки, соседских кур, сиамского кота и парочки, которая сейчас развлекается под этой самой соломенной крышей. До Насти доносились Леркины стоны. Влада она не слышала.

Спустя некоторое время она услышала наверху музыку. Наверное, там был телевизор или приемник. Настя решила лечь спать и отправилась в ванную почистить зубы. И только там она поняла, что ее зубная щетка осталась в Леркиной сумке. Правда, тут имелись две зубные щетки – Леры и Влада – но она никогда не смогла бы почистить зубы чужой. Перед ней встала дилемма – прополоскать рот водой с пастой или все же подняться наверх. Она выбрала второе.

– Ты что, полуночница? – приветствовала ее подруга, приподняв голову с подушки. Влада в комнате не было.

– Отдай мне мои вещи, – прошипела Настя. – Чем я зубы почищу – пальцем?

– Ой, господи, какая трагедия, – Лера указала в угол. – Сумка там...

Настя вынула оттуда пакет со своими туалетными принадлежностями, тапочки, халат – все, что она купила еще в Москве перед отъездом. Лера уменьшила громкость маленького приемника, стоявшего у постели, и спросила:

– О чем вы так долго говорили на кухне?

– О тебе.

– Врешь?

– Нет, правда. О том, как мы тебя любим. Только, ради бога, не ревнуй. Он мне не понравился. Типичный зануда.

Лера довольно рассмеялась, округлила глаза, приложив палец к губам:

– Тише, если он услышит, будет плакать.

– А где он?

– Рядом, тут еще один закуток. Кстати, там телефон, если тебе нужно. Звони, не стесняйся. Но только никому не говори, где мы.

– А я и сама не знаю, где мы. Думаешь, я запомнила название этой деревни?

Лера кивнула и закрыла глаза. Настя вышла, прижав к груди свои вещи. Ногой прикрыла дверь. Теперь она почти не слышала музыки, зато до нее донесся голос Влада. Сперва она хотела спуститься вниз, но слова, которые до нее доносились, так ее заинтересовали, что она, напротив, сделала несколько шагов в ту сторону. Она все еще не видела, где стоит телефон. Но Влад говорил где-то совсем близко.

– Понимаешь, – торопливо объяснял он. – Человек сидит на стуле... Короче, сидит. Вены перерезаны. Да, на обеих руках. Сколько нужно времени, чтобы он умер? Что?

Настя затаила дыхание.

– О, боже, я не знаю, какая там температура... – нервно продолжал он. – Ну, обычная, комнатная. Атмосферное давление? Ну, тоже обычное. Нет, в комнате тепло. Что? Руки свешиваются с подлокотников. Свободно. Свободно, говорю, нигде не пережаты. Значит, сколько?

И после паузы Влад с сожалением произнес:

– Нет, это слишком долго. А быстрее никак? Нет, он не свалится со стула. Там некуда падать. Откуда мне знать, какая у него свертываемость крови? А от группы крови это не зависит? Третья группа. Резус положительный. Ладно, если ты не знаешь, я спрошу кого-нибудь еще. Спокойной ночи. Целую.

Настя развернулась и бросилась к лестнице. Она торопилась, насколько это позволяли крутые ступени и охапка вещей, мешавшая обзору. Но если Влад ее и заметил, то ничем этого не выдал.

Глава 5

Влад, как выяснилось, работал над сценарием по утрам. Едва рассвело, как Настю разбудил грохот его пишущей машинки. Если бы грохот был постоянным – она бы приспособилась и опять уснула. Но Влад писал как-то порывисто – раздавалась частая, лихорадочная дробь по клавишам, и потом минут на десять – тишина. Потом опять грохот – и опять тишина. Она села на своем диванчике, зажала уши, несколько раз ругнулась, закатив глаза к потолку, и встала. Умывание ледяной водой прогнало последние остатки сна. Потом она выпила кофе, сидя на пороге кухни и рассматривая двор. За ночь тут ничего не изменилось – все тот же рыжий барбос, вскоре появившийся из кустов, чтобы поздороваться с Настей. Те же куры, взобравшиеся на угольную кучу. Велосипед со спущенной камерой, брошенный посреди двора. «Наверное, триста лет назад тут было все то же самое, – подумала Настя. – Только без велосипеда, конечно».

Она думала, что кто-нибудь спустится к завтраку, но в конце концов ей пришлось поест в одиночестве. Только через час закрипела деревянная лестница в глубине дома. На кухню вышел Влад.

– Привет, – сказал он. – Пахнет кофе...

– Кофе на плите, – указала Настя. – Тут дивная дачная местность. Такая тишина, и навозом откуда-то пахнет. Нет, кроме шуток, тут здорово. Лерка сказала, что может купить этот дом. Как ты думаешь – и вправду может?

– Думаю, для нее это пустяк, – усмехнулся он.

– А сколько это все будет стоить?

– Если бы дом стоял на Лазурном берегу – тогда тысяч триста. Долларов, конечно. Но там таких старых развалюх нет. Тут чересчур много минусов. От моря далеко, никакого ремонта... Это только трахнутые англичане любят замки с привидениями. Короче, если Лерка захочет купить себе этот геморрой без горячей воды и центрального отопления, то, наверное, тысяч двести с нее сдерут...

– Кошмар, – Настя была ошеломлена этой цифрой. – Неужели она такая богатая?!

– Слушай, ты что – с луны свалилась? Кто ее подруга – ты или я? Ты что – не видела, как она живет в Москве?

И Настя призналась, что ничего так и не увидела, если не считать загородного особняка, который ей не понравился. Влад пожал плечами:

– Дима был набит деньгами от ботинок до галстука. Понятия не имею, откуда он их брал. Но судя по тачке без номеров... Нет, Россия все же – дикая страна. Таких динозавров давно уже нигде нет.

– И Лерка все это унаследует? И деньги, и особняк? – все еще не могла поверить Настя. – Ты всерьез так думаешь?

– А почему бы ей не унаследовать все это барахло? – Влад налил себе подогретый кофе и уселся рядом с девушкой на пороге. – Что – ни с кем такого не бывает? Хотя тут есть кое-какие сложности. Мужа ее убили, конечно, неспроста. Да еще и эта Ася. К тому же Лерка сбежала оттуда, как ошпаренная. Она ничего толком не рассказывает ни тебе, ни мне. Я думаю, что ей придется побороться, прежде чем получить все эти блага жизни.

– С кем побороться? С мафией? – наивно спросила Настя.

Влад неожиданно погладил ее по голове. Выглядело это вполне невинно – он пытался разыграть роль папочки, приласкавшего глупенькую дочурку. Но Насте этот театр не понравился, и она тряхнула волосами:

– Прекрати.

– Почему? – Он снова протянул к ней руку, и она неожиданно для себя самой наградила его оплеухой.

– Вот почему, – Настя встала.

– Ты сдурела? – спросил он, причем в его голосе послышались визгливые нотки. – Ты что себе вообразила, дура крашенная?

– Ладно, пусть я дура, – Настя почувствовала, что заливается краской. – Но я не люблю, когда всякий встречный цапает меня за волосы. Может, у тебя руки грязные.

Влад неестественно улыбнулся:

– Ладно, давай об этом забудем. А вообще-то я сам виноват. В нашей среде это принято. Ну, а ты просто не привыкла.

– Что за это ваша среда?

– Актерская, скажем так. Прикосновение не имеет никакого значения.

– Между прочим, секс тоже можно истолковать как прикосновение. Только в определенном месте, – заметила Настя.

– Ну, ты чересчур далеко заходишь. Зато Лера будет тебе очень благодарна. Она ревнивая. Чем меньше женщина ростом – тем ревнивее. Это я давно заметил. Надо было держаться от нее подальше.

– Кстати, где она?

Влад сообщил, что ее подруга спозаранку отправилась в Грас, вызвав для этого такси. Цель поездки она не указала, но он, Влад, считает, что Лера хотела там с кем-то встретиться. Ей надо было попасть туда к определенному часу, и она очень боялась опоздать. Даже не позавтракала.

– Встретиться с кем-то? – удивилась Настя. – Кого она тут знает? И по-французски Лерка совсем не говорит.

Влад пояснил, что здесь достаточно русских, так что ничего удивительного тут нет. И у Леры вполне могли найтись старые знакомые в таком злачном местечке, как Лазурный Берег, до которого рядом, рукой подать.

– Но я не думаю, что эта встреча будет чисто развлекательной. Наша веселая вдова не очень-то веселится, – закончил он свои рассуждения. – Я понимаю, что она так быстро слиняла из Москвы, чтобы не попасть следствию под горячую руку. Но между прочим, она сделала большую ошибку. Как раз ее отъезд и настроит против нее следователя. Думаю, что ее уже ищут. Разве что...

Настя вопросительно на него взглянула.

– Разве что ей на это наплевать, – вздохнул Влад. – У нее могут быть проблемы посерьезнее. Вот я и думаю – во что она вляпалась? Ты молодец, что рассказала мне, что случилось. Представляешь – она-то молчит, что он погиб. Молчит, хоть ты тресни. Вчера я раз пять спрашивал ее про Димона...

– Ты его так называл?

– Да, а что? Мы же с ним почти ровесники. Он меня – Влад, я его – Димон...

– А все вместе – Лерку, – почти машинально закончила Настя.

Эта циничная шутка его рассмешила:

– С тобой не соскучишься. Ты любишь детективы?

– А что – есть что-нибудь почитать? – оживилась Настя. Она уже поняла, что делать ей тут будет нечего. А детективы она любила – каждый год при генеральной уборке выбрасывала пакета два...

– Найдется. Пошли, я тебе кое-что покажу.

Они поднялись на второй этаж, и Настя впервые увидела то, что Влад называл своим кабинетом. У этого помещения даже не было дверей. Собственно говоря, это был маленький закуток позади спальни. Тут помещался стол с разбитой пишущей машинкой с русским алфа-

витом, а также телефон, несколько пустых бутылок из-под красного вина, как Настя определила по осадку, и неожиданно – новенькое офисное кресло. В это кресло она и уселась.

– Классный вид из окна, – сказала она, покрутившись в кресле и хорошенько все рассматривая. – А что ты пишешь? Сценарий?

– Я и хотел тебе почитать.

– Как почитать? Вслух?!

– Так ты лучше поймешь. Это все же сценарий, а не роман.

– Нет, не стоит... – разочарованно протянула она. – Ненавижу, когда мне читают вслух. Лучше дай, я сама разберусь.

– Я не настаиваю.

Ей показалось, что Влад обиделся – и куда сильнее, чем после оплеухи.

– Хорошо, – смирилась Настя. – Ты почитай, может, я и привыкну. Только не очень торопись. Это детектив, ты сказал?

– Да. Сейчас можно продать либо детектив, либо мелодраму. А я не собираюсь писать то, что нельзя продать. Я и строчку даром не напишу.

– Какой ты гордый! А если не купят? Что ты сделаешь со своим произведением?

– Купят, не беспокойся.

Минут десять Настя покорно слушала его чтение. Надо было отдать парню должное – читал он очень хорошо, меняя тон и голос в зависимости от того, какой персонаж открывал рот. Вскоре она всерьез заинтересовалась сюжетом и наконец не вытерпела и перебила его чтение:

– Слушай, я узнала эту девчонку, Алису! Это же Лерка!

– Попала в точку, – несколько раздраженно ответил он. – Если будешь перебивать – иди на фиг.

– Нет, давай дальше!

Через час Влад начал хрипеть. Настя слушала, как паинька, у нее даже рот приоткрылся. Сюжет ее особенно не потряс – Настя сразу поняла, что ничего оригинального в нем нет. Все же не зря она была заядлой читательницей детективов. Но зато героиня – та самая Алиса, которая была списана с ее старой подруги – очень ей понравилась.

– Ну, может, хватит? – спросил Влад, складывая испечатанные страницы.

– Классно... – Настя крутанулась в кресле. – Ты настоящий писатель. А что было дальше?

– Дальше будет еще много чего. Я тебе еще и половины не прочел. Вообще-то я дальше еще не написал, – признался Влад.

– А Лерка это читала?

– Да ты что – я же не рехнулся окончательно. Она сразу себя узнает.

– Да, она обидится, – лукаво согласилась Настя. – Неужели это все – правда?

– Ты что имеешь в виду?

– Ну, про то, как Лерка охмурила своего будущего мужа, и как она ухлопала вместе с ним его папашу-мафиози, и как подсела на кокаин?

– Ты дикая девица, Настя, – он уложил сценарий в папку и завязал тесемки. – Ты не отличаешь правды от вымысла. Этого я и боялся. Ты что – не можешь забыть, что Алиса похожа на Леру? Этого же никто и не будет знать. Какая кому разница... И Лерка никогда не притрагивалась к кокаину. Я хотел тебя спросить как постороннего человека – это интересно?

Вместо ответа Настя похлопала в ладоши, изображая аплодисменты.

– Ну, и ладно, – Влад сунул папку в ящик стола. – У меня уже двое почитателей. Ты и Лерка. Кстати, ей пора уже вернуться.

Настя все еще крутилась в кресле – влево, вправо, глядя на парня чуть исподлобья. Она знала за собой грех – любила пококотничать. Хотя проделывать такое с парнем своей подруги она вовсе не собиралась, но получалось само собой. Влад теперь стоял совсем рядом. Он смот-

рел в окно, якобы высматривая такси, на котором должна вернуться Лера. Но Настя знала, что он и ее прекрасно видит. Наконец она встала:

– Надо приготовить обед. У меня такое чувство, что я в доме отдыха. Только на самообслуживании. Как ты думаешь, если я поеду по окрестностям на вашем велосипеде – я не заблужусь?

Влад с сомнением качнул головой:

– Пока не стоит...

– Почему? Как раз стоит. Пока у меня виза не кончилась. Кстати, что мы будем делать дней через десять? От группы мы с Леркой оторвались, визу нам не продлят. Что с нами сделают, если поймают?

– Вышлют. – Парень пожал плечами и пошел к лестнице. – Вернетесь в Москву.

– А иначе никак?

– Иначе, увы, никак. – Он спускался по лестнице, она шла следом, крепко хватаясь за скрипучие деревянные перила. Влад слегка обернулся: – У Леры ветер в голове... Ей, наверное, казалось, что когда она сюда приедет, все будет хорошо. Похожа на страуса, который сунул башку в песок. Чем страусу поможет песок? Чем я помогу Лерке?

– Она по-прежнему ничего тебе не рассказала про мужа?

– Ни слова. Я теперь и сам об этом помалкиваю.

Настя попросила, чтобы он ее не выдавал. Трудно представить, что сделает Лерка, когда поймет, что подруга ее предала. Влад клятвенно обещал молчать. На что способна его любовница, он знает слишком хорошо. Заметив, что девушка загрустила, он добавил:

– Самое лучшее – поменьше думай обо всей этой чепухе. У кого мужа-то убили? У тебя? У нее! А ты здесь находишься на отдыхе. Начинаются чудесные денечки. Не слишком жарко, никаких дождей, воздух хрустальный. Ты купальник взяла?

Настя кивнула.

– Тогда загорай. К морю без машины добраться трудновато, но весь двор к твоим услугам. Только на уголь не ложись, потом не отмоешься.

Влад настолько воодушевился, что вытащил из недр дома потрепанный, обитый синтетической тканью шезлонг и установил его посреди двора. На этот шезлонг и улеглась Настя в своем обновленном купальнике. Повертелась с боку на бок, повздыхала над своей нескладной судьбой. Но солнце было таким ласковым, а ночью она спала так плохо, что вскоре девушка успокоилась. Она закрыла глаза, повернулась на спину. Мир окрасился в алый цвет – цвет крови, цвет ее закрытых век. Вскоре она задремала, а потом по-настоящему уснула.

Проснулась она от громкого девичьего голоса. Спросонья Настя его не узнала и только через минуту сообразила, что это вернулась Лера. Настя приподнялась, опираясь на локоть.

– Сторишь ведь, – Лера дурачась, швырнула ей в шезлонг апельсин, Настя едва успела поймать. – На, перекуси. Мы поедem в город, пообедаем в ресторане.

Только тут Настя увидела припаркованную во дворе машину. И это было не такси.

– А это откуда? – спросила она, откусывая толстую апельсиновую кожуру.

– Рентанула. Ну, арендовала, о господи! – пояснила та. – Нельзя ведь жить в такой глуши без транспорта. Тут умрешь – и никто не узнает.

– Арендовала? – Настя вскочила и заинтересованно обошла машину. – Классная...

– Это «Рено».

– И на сколько ты ее арендовала?

– Нам с тобой хватит, – загадочно ответила Лера. – Ну, одевайся, нечего тут валяться курам на смех. Ты такая белокожая, что сразу понятно – приезжая. Скажи спасибо, что солнце еще не печет, как в июне. А то бы от тебя ошметки остались.

Настя видела, что подруга развеселилась. Куда делись следы московских волнений? Где хмурый вид, морщинка между бровей, где нервная, обрывистая речь? Лера болтала беззаботно, весело, как бывало пять лет назад.

– Ты что-то узнала? – решила спросить Настя.

– О чем?

– Ну, о Москве...

Лера взглянула на открытую кухонную дверь и сделала большие глаза. Настя поняла – та не хочет, чтобы их подслушали. Лера только и сказала:

– Все хорошо, все к лучшему. Ты не переживай, дорогая.

– Ну, если я уже для тебя «дорогая», тогда точно, дела пошли на лад, – Настя расправилась с апельсином. – А куда мы поедем?

– Для начала – в Грас. Ницца и Марсель тебя еще дождутся, не переживай.

У себя в комнате Настя попыталась принарядиться, хотя при ее небогатом гардеробе это было трудновато сделать. С собой они взяли совсем немного вещей – только то, что купили перед самым отъездом. Лера отнеслась к этой проблеме беззаботно – все можно купить на месте. Но так как Настю еще никто не успел отвезти в магазин, в ее распоряжении по-прежнему были только джинсы, пара свитеров и две-три майки. Впрочем, Влад и Лера выглядели почти так же. Оба советовали Насте не стесняться – в ресторане и не такое видали. Они сойдут за студентов или небогатых туристов.

– Хотя Франция – это страна условностей, – заметил Влад, усаживаясь за руль. – Еще хуже, чем Россия.

Машину вел он, Лера отказалась от этого намерения под тем предлогом, что плохо знает местность. «Хотя как-то же она доехала сюда из Граса? – спросила себя Настя. – Похоже, что машину тоже сняли для Влада. Дом для Влада, деньги для Влада, машина для Влада. Ох, и продувной же он тип... Так охомутать вполне неглупую девчонку! Ведь у других парней она за километр видела все их подходы. И только смеялась над ними. А рядом с этим смазливой актеришкой – прямо ослепла от счастья...»

Втроем они устроились за столиком маленького уличного ресторана. Отсюда открывался вид на старинную площадь с неровной, какой-то покатою мостовой. Настя подумала, что когда идет дождь, здесь нет ни одной лужи – вода выливается на соседнюю улицу, по уклон. Спросила у Влада, права она или нет, и он, улыбнувшись, сказал, что дожди здесь идут не так уж часто. Ужин на правах знатока-старожила заказывал он. Баранина с почками и большим количеством чеснока и оливкового масла, слоеные пирожки с перцем и баклажанами, красное вино, кофе, яблочный пирог. От вина и кофе Настя раздумялась. Когда все закурили, она присоединилась, и подумала: «Какие они все-таки добрые... Конечно, им было бы лучше вдвоем. Я тут на ролях третьего лишнего. А они со мной возятся. В ресторан повезли. Могли бы и там оставить, я бы ни слова не сказала».

На площади то и дело останавливались туристические автобусы. Настя рассматривала старух и стариков в белых штанах, громогласных школьников или студентов и поговору пыталась определить их национальность. Она поняла одно – выбор огромный.

– А что они все сюда ездят? – спросила она Влада.

– Тут же парфюмерный рай, – пояснил он. – Можно приехать на фабрику и купить какой-нибудь аромат. Какой угодно. Они торгуют запахами по всему миру. Создают их и продают разным крупным фирмам, а те уже дают свое название. «Шанель», к примеру, или «Коти». Не в Париже ведь растут розы или там жасмин. Здесь. Тут даже музей парфюмерии есть.

Лера безмятежно кивала в такт его словам. Дымок ее сигареты медленно плыл в неподвижном вечернем воздухе. Потом она слегка повернула голову, подняла глаза... Настя сидела прямо перед ней и потому не видела, на что теперь смотрела Лера. Но было ясно – та кого-то или что-то увидела.

– Ты что? – Настя обернулась, но не заметила ничего подозрительного. Когда она опять взглянула на подругу, та быстро раздавила сигарету в пепельнице. Движения у Леры опять стали нервными, взгляд – затравленным и усталым.

– Ничего, – ответила она. – Голова заболела. Наверное, от вина.

Но Настя была уверена, что вино тут ни при чем. Влад пожал плечами:

– Не заводись, Лерка. Зачем портить такой вечер... Я закажу тебе еще кофе, и голова пройдет.

– Какой вечер я порчу, ты мне скажи, какой такой святой вечер?! – Лера все больше повышала голос. На них уже оглядывались за соседними столиками.

– Убавь звук, – прошипел Влад.

– Я сыта тобой по горло! – теперь Лера почти орала.

Влад вскочил:

– Истеричка! Кошка драная! Настя, идем! Идем отсюда!

Настя растерянно поднялась из-за стола, с сожалением покосившись на недоеденный яблочный пирог. А Лера уже уходила от них по площади, резко клацая каблуками. Она не оборачивалась. Влад на минуту задержался, чтобы расплатиться с официантом, и догнал девушек уже возле припаркованной на боковой улице машины. Лера рванула дверцу и уселась на переднее сиденье. Настя робко села сзади. Влад все еще стоял рядом. От ярости он не мог говорить и только шипел:

– Какого черта! Какого черта!

– Ты едешь или остаешься? – спросила Лера. – Если ты что-то здесь забыл – отдай ключи от машины.

Влад швырнул на сиденье ключи, повернулся и ушел. Девушки сидели молча. Настя предпочитала подождать, когда подруга остынет. Может быть, тогда она сама что-то объяснит. Но Лера пересела за руль, включила зажигание и медленно, неуверенно двинулась с места. Чтобы выбраться из переплетения узких средневековых улиц Граса с односторонним движением, ей понадобилось минут двадцать.

Насте казалось, что они постоянно возвращаются на одно и то же место. Но это, видимо, было не так – фары «Рено» осветили ряд пальм у обочины, дорога стала шире, превратилась в шоссе. За городом Лера прибавила скорость.

– Как он вернется домой? – Наконец решила открыть рот Настя.

– На такси вернется. Ничего с ним не случится, – резко ответила та.

– А с чего это ты так завелась?

– Отстань! – Лера включила фары дальнего света.

– Ты же всех встречных водителей слепишь! – возмутилась Настя. – Еще не стемнело, выключи.

– Замолчи, зараза, а то я выброшу тебя в кусты! – Голос подруги истерически зазвенел. – Для тебя это будет самое лучшее!

После этого обещания Настя замолчала, хотя и не поняла, почему кусты для нее – самое лучшее. Лера так гнала машину, что домой они попали минут через пятнадцать, включая извилистый путь по гравийной деревенской дороге. Проходя по двору, Лера пнула шезлонг, тот перевернулся. Рыжий пес выскочил встречать хозяев и едва не получил такого же пинка. Но за него вступилась Настя:

– Да собака-то чем виновата?! Стерва ты и есть стерва! Как он еще тебя терпит?!

Она имела в виду не пса, а Влада. Лера хлопнула кухонной дверью так, что звякнуло стекло в окне. Настя вернулась к шезлонгу, поставила его на прежнее место, уселась. Ночевать она решила здесь, во дворе, и порадовалась по этому поводу, что находится в благословенном Провансе, а не в Подмоскowie. Пес, видимо, решил составить ей компанию и примостился

рядышком. Несколько раз вздохнул, шелкнул зубами, поймав у себя на спине блоху, свернулся калачом и затих.

На кухне загорелся свет. Сквозь незашторенные окна Настя видела, как Лера ходит из угла в угол, судя по всему, отпихивая со своей дороги разные предметы. Потом Лера нагнулась, на миг исчезла из поля зрения и выпрямилась уже с котом на руках. Прижалась к нему щекой, остановилась, глядя в окно – прямо на Настю. Хотя, конечно, не могла ее видеть в темноте. Настя закрыла глаза и решила ни за что не идти, если Лера ее позовет. Она ждала минут пять, не меньше. Когда она решила, что дальше ждать глупо и открыла глаза, на кухне уже было темно. Зато кусты жасмина с боковой стороны дома осветились – видимо, Лера поднялась на второй этаж и зажгла свет в спальне. Спустя некоторое время Настя услышала далекий шум машины. Шум приближался, и она стала различать даже, как хрустит гравий под колесами. «Это вернулся Влад», – подумала Настя. Она не ошиблась – вскоре хлопнула дверца, машина уехала. Скрипнула калитка – во двор кто-то вошел. К тому времени уже наступила ночь – темная, хоть глаз выколи. Настоящая южная ночь с тысячами мохнатых звезд, которые совсем не давали света.

Настя даже не пошевелилась в своем шезлонге, она затаила дыхание, когда Влад прошел мимо. Это был он – она узнала запах его туалетной воды – этот резкий цитрусовый запах чуть не испортил ей аппетит в ресторане. У нее возникла шальная мысль – заорать ему в ухо, когда он приблизится к ней. Как бы он подскочил! Но она сдержалась. Зато ее чуть не выдал пес – услышав шаги, он приподнял голову, встал и сонно гавкнул.

– Тузик, фу... – услышала она негромкий голос Влада. Судя по голосу, он уже был у дверей кухни. – Фу, я сказал! Штаны испачкаешь!

На кухне снова зажегся свет, но тут же погас. Настя тихо смеялась в темноте – надо же додуматься, назвать чистокровную французскую дворнягу Тузиком... Но вскоре ее отвлекли от этих мыслей. В доме явно что-то происходило. Загорелся свет над кухней, там в окне показался Влад и тут же исчез. Осветились кусты и с другой стороны дома.

«Они везде включают свет, – поняла Настя. – Гоняются друг за другом, что ли?» Наконец опять осветились кухонные окна. В доме гремели голоса – Влад и Лера переругивались. «Ну, точно, сейчас подерутся, – подумала она. – Ну нет, в дом я не вернусь. Очень нужно соваться между двумя любовниками в такой момент. И вообще, к черту все это. Попрошу у Лерки обратно свой билет на самолет и денег, чтобы добраться до Парижа. Присоединюсь к группе. Адрес гостиницы у меня есть. Отдохну там одна и спокойно вернусь в Москву. Может, и вправду меня никто не ищет? А вот мне-то нужно искать работу...»

Она уже вся ушла в мысли о Москве, как вдруг голоса стали громче. Открылась кухонная дверь, и во двор упал длинный прямоугольник света. Правда, Настин шезлонг в этот прямоугольник не попал, она осталась в темноте. На пороге стоял Влад и, отвернувшись назад, говорил:

- Идиотка, больная, придурочная! Чего ты добилась?! Где она?!
- Понятия не имею, – глухо ответила Лера. – Я привезла ее с собой.
- Ищи! Что ты стоишь, чучело?! – Влад, судя по всему, был на пределе.

«Из-за меня столько шума, – удивилась Настя. – Конечно, они поступили со мной по-свински. Особенно Лерка. Подруга, называется». Она с любопытством слушала перебранку, совершенно не собираясь появляться на свет и мирить влюбленных.

- В доме ее нет, – это опять заговорила Лера. – Я везде смотрела.
- Настя! – негромко позвал Влад. Он сделал несколько шагов по двору. – Настя!
- Не ори, сумасшедший! Тебя уже в Нище слышали, – на пороге возник силуэт Леры.
- А ты что предлагаешь? – бросил тот. – Смеяться от радости?
- Закрой дверь. Она сама придет. У нее нет денег, чтобы уехать.

«И в самом деле, – подумала Настя. – Денег у меня – ноль целых, ноль десятых. Все капиталы у Лерки. Я, дура, отдала ей и свои гроши, она сказала, что у нее будут целее. И совестно мне было ничего ей не дать – она же меня везде возила, кормила, одевала... Блин, вот попала! А без денег я тут не человек... Даже бутерброд себе купить не смогу. Даже билет на автобус. А контролеры тут злые как собаки. Зайцем не проедешь. Что делать-то?»

– Она умеет водить машину? – спросил Влад.

– Кажется, нет. – Лера тоже спустилась во двор. – Да не угнала она «Рено», не бойся. Мы бы услышали. Она где-то рядом.

Внезапно, неизвестно почему, Насте стало страшно. Казалось бы – что тут особенного произошло? Влюбленные поругались, подруги поссорились. Теперь всем неловко, теперь все хотят найти ее, Настю, чтобы загладить свою вину перед ней. К тому же – она гостья. А гость, как учили Настю родители, – человек особенный, существо почти священное. Гостю ни в коем случае нельзя грубить, нельзя ни в чем отказывать. Этот принцип она прекрасно усвоила. Конечно, с ней обошлись непорядочно. Она оказалась в безвыходном положении. Все это Настя понимала... И все же ей было страшно, когда она слышала их голоса, видела их тени в окнах кухни. Они вернулись в дом и продолжали ругаться там, прикрыв дверь.

«Какие глупости, – сказала себе Настя и встала. – Надо идти и кончать этот безумный вечер». Она пересекла двор, толкнула дверь и вошла.

– О, боже! – Лерка, не ожидавшая ее появления, так и подскочила. – Ты?! Где ты была?!

– Гуляла, – мрачно пояснила Настя.

– Насть, ты нас прости, – подал голос Влад. Он раскраснелся после недавней бури и выглядел изрядно потрепанным. А Лера, напротив, была бледновата. Оба они чувствовали себя не в своей тарелке.

– Я не сержусь, все бывает, – Настя взяла со стола апельсин и ушла в свою комнату.

Она слышала, как парочка осторожно поднималась в спальню, стараясь не скрипеть ступенями разошедшей лестницы. Потом до нее донеслись шаги над головой и два резких стука – это Лера сбросила туфли, и каблуки ударили в пол. А потом все стихло. Настя встала с дивана и приоткрыла окно. Свет она так и не включила. Темная ночь, непроглядная, пахнущая жасмином южная ночь смотрела в ее комнату.

Она примостилась у окна, очистила апельсин, все время прислушиваясь к шорохам, доносящимся из кустов. Казалось, что вокруг дома кто-то ходит или ползает. Но она понимала, что это или Тузик, или просто ветер.

«Хотя ветра нет, – подумала она. – Никакого ветра нет. А ведь тут и в самом деле страшновато. Так я себя никогда не чувствовала. Даже дома, на даче. Там откроешь окно – и рядом участок соседей. А на участке кого только нет – и дядя Юра, и тетя Галя, и их придурочный сынок. А здесь?! Кур соседских я видела, а самих соседей – ни разу. Даже не представляю, где их дом. Нельзя же быть такой душой, надо завтра же посмотреть, где кто живет. А то если что случится – куда мне деться? Я даже на помощь позвать не смогу».

Настя поймала себя на мысли, что все время думает о помощи. Но почему? Что ей могло здесь угрожать? Угроза осталась в Москве – а это было слишком далеко, почти нереально. Лера могла устроить истерику – но и это было нестрашно. Влад мог поприставать – но и с ним Настя легко справилась бы.

«Кого она увидела там, в ресторане? – подумала Настя. – Она так изменилась, когда взглянула мне за спину. А я никого там не увидела. То есть кто-то там, конечно, был. Но я этих людей не знаю. А вдруг она знала? Утром Лерка ездила в Грас, якобы взять машину в аренду. Влад сказал, что она поехала с кем-то встретиться. С кем? Зачем? Какая я дура, что до сих пор ничего из нее не вытянула! Какая я идиотка, что согласилась поехать с ней сюда, на юг! В Париже у меня был хоть один шанс – обратиться к кому-то из нашей туристической группы. Все же это были наши люди, русские, москвичи. Помогли бы мне. Поняли меня... Но здесь....

Здесь рядом со мной только эти двое, со своими тайнами и проблемами». Настя доела апельсин и сказала себе, что завтра обязательно прояснит ситуацию. Она сделает это, и ей уже безразлично как. Поскандалит с подружкой. Добьется правды. Познакомится с соседями. Самовольно уедет в Париж, а потом в Москву. Короче, ей наплевать на этот благословенный юг, на эти странные каникулы. Она уедет.

Настя подумала, что так, не вылезая из постели, она спокойно может позагорать. Но долго пролежать она не смогла – ее мучил голод.

Настя встала, надела купальник. Умылась холодной водой. От этой воды заныли зубы, и ей не удалось как следует прополоскать рот от зубной пасты. Когда она вышла на кухню, во рту стоял резкий вкус мяты.

– Привет! – Она наклонилась и погладила сиамского кота, мягко прижавшегося к ее ногам. – Ты один? А эти где?

Кот, конечно, не отвечал. Он прошелся перед ней с гордо поднятым хвостом, плюхнулся на пол, на кирпичи, нагретые солнцем, и начал умываться. В доме было очень тихо. Настя вышла во двор, выглянула за ограду. Машины там не было. Она вернулась в дом, обожала все комнаты на первом и втором этаже и поняла, что осталась одна.

– Могли бы оставить записку, – сказала она коту, располагаясь за кухонным столом и намазывая хлеб маслом. – Ты знаешь, красавчик, они просто обыкновенные хамы.

Кот поднял голову, взглянул на нее своими выкаченными кровавыми глазами и глухо мяукнул.

– Да, да, – кивнула ему Настя. – Бросают меня бог знает где, совсем одну и даже не извинились вчера как следует. И еще боятся, что я уеду. А я возьму да уеду. Как ты думаешь, в доме найдутся деньги на билет?

Кот продолжал ритуал умывания, потеряв к девушке всякий интерес. Она убрала масло в холодильник и поднялась наверх. Впервые в жизни Настя копалась в чужих вещах. Ей было одновременно интересно и противно. «Четыре тысячи долларов! – вспоминала она. – Что-то мне не верится, что Влад отнес их в банк. При мне он один никуда не уезжал. Уезжала только Лерка. Но может, они теперь как раз и поехали в банк?»

Немного денег в доме нашлось. Но это были не доллары, а франки. Одна купюра в пятьсот франков, две по сто, и куча мелочи общей суммой франков на триста пятьдесят. Настя заколебалась – это было явно не то, что привезла Лера. Это были деньги Влада – ведь она нашла их в его одежде, в его бумагах.

«Тысяча франков – сколько это будет долларов?» – прикинула она. Посчитала в уме по тому курсу, о котором слышала еще в турбюро, и у нее получилось чуть больше двухсот долларов. «В Париж вернуться хватит, а там уже все оплачено до конца поездки, – подумала она. – Ну что – брать эти деньги? Получается, что я их ограблю?» И тут же одернула себя – для этих типов двести долларов – не деньги. И какое право имела Лера оставлять ее без гроша?

Настя аккуратно сложила купюры и зажала их в кулаке. Этим жестом она отрезала себе любую возможность остаться – ведь иначе пришлось бы объясняться с Владом... Она подошла к окну, выглянула, прислушалась. Никаких цивилизованных звуков, вроде шума машин, она не расслышала. Внезапно ей стало жаль уезжать отсюда. Странный дом, странная пара... Но ведь ей тут ничего плохого не сделали. Она ела в свое удовольствие, бездельничала, загорала, ее отвезли в прекрасный ресторан, поили вином, ублажали... И в конце концов, она увидела Париж – за Леркин счет, как ни крути. Деньги начинали жечь ей руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.